

Олег Генералов

КОПАТЕЛИ ЭНЕРГИЯ ЗАВЕТА

Олег Генералов
Копатели. Энергия Завета

«Автор»

2013

Генералов О. А.

Копатели. Энергия Завета / О. А. Генералов — «Автор», 2013

Кладоискательство – занятие непредсказуемое. Иногда можно найти совсем не то, что ожидаешь. Отправившись на поиски столицы древнерусского удельного княжества, группа кладоискателей находит уникальный артефакт времен Ветхого Завета. Что он делал в российской глубинке, как он там оказался и при чем тут могущественный орден Тамплиеров? Разобраться не так-то просто. Особенно когда о находке становится известно людям, для которых библейская реликвия представляет вполне конкретный материальный интерес.

© Генералов О. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1. Out Of Office	5
Глава 2. Виктория и Елизавета	19
Глава 3. Флагелланты	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Генералов

Копатели. Энергия Завета

Глава 1. Out Of Office

*Dear sender, thank you for your mail.
I'll be OOO till 9.07. In urgent cases
please call my mobile.*

*Уважаемый отправитель, спасибо за ваше письмо.
Меня не будет в офисе до 9 июля. Пожалуйста,
звоните на мобильный.*

Солнечным июльским утром 2007 года черный силуэт японского внедорожника неспешно пробирался сквозь будничные потоки кольцевой автодороги. Отстояв положенное перед съездом в Митино и прокравшись мимо выставочного центра, который, как обычно, в день проведения мероприятий собрал пару километров пятничных пробок, Паджеро свернул на Новорижское шоссе. Рассекая бледным лучом ксенонового света потоки предусмотрительных дачников, выехавших в эту пятницу пораньше, внедорожник занял левый ряд и неотвратимо поплыл на запад, довольно урча тремя своими литрами.

Вырвавшись на простор «Новой Риги», Макс Маршалин, менеджер крупной западной IT-компании, закурил вторую за это утро сигарету, сделал чуть погромче «Радио «Джаз» и чуть приоткрыл окно, заставляя жаркий июльский ветер бороться с потоками кондиционированного воздуха. В салоне образовалось приятное движение, уносящее за борт сигаретный дым и плохое настроение, созданное унылыми утренними пробками.

В голове лениво прокручивались законченные вчера в спешке, и не совсем законченные, отложенные до понедельника, дела. Часы под лобовым стеклом показали девять утра, и Макс представил, как сейчас заполняется машина узкая улочка, расположенная где-то между Белорусским и Савеловским вокзалами. Паркуясь вплотную друг к другу, иногда по звуку, сотни автомобилей встают на свое дневное дежурство под палящим солнцем июля, а их хозяева, успешные и не очень московские клерки, тихо матеря жару, поднимаются в прохладу кондиционированных помещений своих офисов, чтобы еще один свой день положить на алтарь безжалостного московского Бога по имени «Бизнес», который правит многомиллионной армией москвичей и гостей столицы.

Он представил, как его сослуживцы, просмотрев пришедшую за их недолгое отсутствие в офисе почту и, убедившись в очередной раз, как вчера, позавчера, да и, скажем откровенно, последнюю сотню-две дней, что ничего особенно страшного и сверхсрочного за время их беспокойного сна не произошло, расслабятся. Кто-то пойдет за кофе, кто-то будет внимательно изучать новостные сайты, делаясь с коллегами наиболее интересными, на его взгляд, событиями. Стайки курильщиков потихоньку двинутся вон из прохлады офиса класса «А», чтобы сплотить тесные свои ряды под козырьком подъезда, экономя каждый квадратный метр тени под ним. За этой невидимой границей температура уже давно перевалила за 25 и плавно подбирается к 30, чтобы после обеда, оперевшись в свои рекордные 40, разразиться сказочной грозой, прижимая тех же курильщиков к границам крыши подъезда уже не лучами солнца, но плотными потоками водомета дождя. Подобное утро повторялось изо дня в день, из года в год, лишь изредка балуя участников этого великого московского процесса небольшими инцидентами, типа аварии мусоровоза и Лексуса на вялостоящей в вечной пробке улице Правды. И тогда уже не только курильщики заполняли пространство у входа. Все бездельники офисов,

высыпая на улицу, принимались обсуждать происходящее с таким энтузиазмом, что, если бы подобное рвение они проявляли на службе, у них бы точно появился шанс заработать не только на Лексус, но, возможно, стать обладателем розовой мечты всех хозяев кредитных Фокусов и Королл – Порше Кайена.

В любом случае, сегодня Макса не касались все эти перипетии суетливой московской жизни. У него нынче случился честно заработанный отгул. На письма, которые будут приходить к нему на почтовый ящик, почтовая программа перешлет короткий и вежливый ответ о том, что появление сегодня в офисе его (ящика) хозяина не предвидится и посоветует, правда, только в экстренных случаях, пытаться поймать его на мобильном. В этом было некое лукавство, ибо в тех местах, куда сейчас нес его Паджеро, связь работала изредка, и шансов, что ему кто-либо сможет дозвониться, практически не было. Но, откровенно говоря, он об этом особо не переживал. Во-первых, day off – это day off, не для того он брал отгул, чтобы тратить его на общение с коллегами и партнёрами. А во-вторых, как показывал его опыт работы в компании, не случалось в ней еще таких срочных дел, которые бы требовали его, Маршалина, мгновенного участия и вмешательства. Построенная неторопливыми и рассудительными немцами, контора работала как четкий и отлаженный механизм, позволяя своим винтикам и шестеренкам время от времени устраивать себе подобные «разгрузочные» дни.

Еще раз кинув взгляд на циферблат, он поторопился переключить радиостанцию. 9.06 – время гороскопа на Ретро FM. Совершенно случайно, полгода назад наткнувшись на ежедневный гороскоп от Павла Глобы на этой волне, он с удивлением обнаружил, что практически все предсказания в той или иной степени сбываются. Доходило даже до смешного. В один из дней на прошлой неделе предсказание звучало так: «Не потакайте своим слабостям, если не хотите потерять свой источник дохода». Макс долго ломал себе голову, что же такое может произойти? Пьяный дебош в офисе? Любовная интрижка на рабочем месте? Какая еще слабость могла стать препятствием на его карьерном пути? Однако все оказалось намного проще. Приехав на деловую встречу в пафосный Шератон на Белорусской, он поленился пройти пешком пятьдесят метров до отделения своего банка и воспользовался банкоматом, стоящим в гостинице. Его кредитка была проглочена аппаратом с недовольным хрюканьем, после чего тот высветил синий экран с уныло-желтой надписью о том, что банкомат-де временно «out of order». Карточку ему, конечно, дня через два вернули, но он в очередной раз убедился в сбываемости гороскопа.

Гороскоп передавали 3 раза в день, в районе семи, восьми и девяти часов. Сегодня он застал последний уже выпуск. Сделав радио громче, он в очередной раз поморщился от туповатого юмора ведущих утренней программы – Романа Аверьянова и Ветровой Яны. Если девушка еще хоть как-то соответствовала его представлению о радиоведущей, то шутки ее партнера были настолько плоски и неинтересны, что время от времени он спрашивал себя – что же заставляет руководителей станции держать на работе подобного персонажа. В любом случае, это радио он слушал только один раз в день, чтобы узнать, что ожидает его в самом ближайшем будущем.

«А на первом месте у нас сегодня воздушные знаки» – с радостной интонацией идиота продекламировал Роман, и его партнерша не менее радостно подхватила: «Близнецы: у вас отличный день для поездок и начинаний. Все ваши дела сегодня будут иметь неотвратимый успех, положительное влияние звезд вам гарантировано». Переключившись обратно, он в очередной раз обратил внимание, как, может быть, на самую малость, но все-таки поднялось настроение после объявления о том, что для него сегодня – удачный день. Добавилась небольшая нотка радости в ровном гуле двигателя, немного ярче засветило солнце, чуть быстрее стали соскакивать с его полосы, пропуская черное тело внедорожника, всевозможные Жигули и Волги.

К Волоколамску Маршалин подлетел минут за двадцать до назначенной встречи. Холмы сменялись один за другим, машин было немного, круиз стоял на 140 – дорога позволяла. Поднявшись на очередной холм, он увидел раскинувшийся город с макушками церковей Волоколамского кремля и трубами громоздких производств. Проехав пост ДПС, он остановился и вышел из машины размяться. Они договорились встретиться в десять, но он не сомневался, что его приятели опоздают. Еще ни разу за то время, что Макс их знал, они не приезжали вовремя, точность и пунктуальность явно не входили в список их положительных качеств.

Макс обошел вокруг машины и пнул правое переднее колесо по какой-то странной, мистической традиции, присущей каждому автолюбителю. На черном лакированном борту Паджеро появилось его отражение. Вряд ли сейчас кто-либо смог бы опознать в нем успешного московского клерка: потускневший камуфляж, черная футболка, черные кроссовки. Он даже бриться сегодня не стал, демонстрируя этим некую независимость и свободу от офисных условностей. Свободу, которую он получил на сегодня и которая продлится до конца воскресенья. Разве что часы выдавали его офисно-социальную принадлежность. Массивные Rado из последней коллекции. Обычно для подобных выездов он надевал многофункциональные Casio – легкие и удобные, с компасом и водонепроницаемым титановым корпусом, но сегодня что-то закрутился с утра, забыл. Он опять взглянул на циферблат и понял, что время еще есть, даже если его друзья прибудут без опоздания. Недалеко от поста расположился небольшой базарчик: пестрые старушки в белых платках выставили ведра с яблоками, картошкой и прочими овощами, восседая, каждая за своим ведром, на уютных и трогательных табуретках.

Скучая, Маршалин лениво брел вдоль ряда, рассматривая дары природы, которые приготавливали окрестные деревенские жители для пятничных московских визитеров. Для покупателей было рано. Даже первую, самую утреннюю волну дачников он обогнал еще под Москвой. Старушки расслабленно болтали, неспешно протирая смоченными тряпками упругие яблочные бока, не обращая на него никакого внимания. Он явно не принадлежал к целевой аудитории их покупателей. Тех, кто на чадающих двадцатилетних рыдванах, нагруженных кошками, детьми и тещами, выдвигается каждую пятницу на «Фазенду», чтобы провести свой выходной, как они считают, «на природе», а на самом деле – в домиках, кривосколоченных из подручных материалов. Из того, что в советское время можно было безбоязненно унести с родного предприятия: фанерных щитов, столешниц и прочего подобного мусора. Обреченных смотреть вечером одну, еле принимающую программу по старому черно-белому телевизору, а весь световой день проводить в борьбе с ненавистным колорадским жуком, медведками, кротами и прочими вредителями, смысл мироздания которых – уничтожение грядущего урожая несчастных владельцев дальнеподмосковных шестисоточных усадеб.

Неожиданно взгляд его привлек еще один продавец этого стихийного придорожного рынка. Седой косматый дед с забавным курносом носом и щелочками глаз, запрятанными среди множества хитрых морщин, сидел на раскладном рыболовном стульчике, а перед ним на расстеленных газетах лежали книги. Старые, потрепанные детективы Чейза и новые, в сверкающих обложках, мистическо-завлекательные издания Дэна Брауна. Присутствовал и отечественный производитель – вездесущая Донцова пестрела дурацкими названиями, Маринина же, наоборот, была величественно-холодна. Все книги были прочитаны, некоторые не по одному разу, а другие кроме как зачитанными и не назовешь – истертые обложки, истлевшие корешки. Вдруг он увидел книгу, которая, в какой то мере, и стала причиной и основой его поездки сегодня. Черная, потрепанная, не раз, видимо, прочитанная – «История Тверского Княжества» Борзаковского. Он раскрыл ее наугад, она была вся в отметках, где-то сделанных карандашом, где-то – чернилами. За десятки лет, прошедших со дня издания, книга, видимо, достойно послужила полным и полезным пособием какому-либо историку или преподавателю.

*Того же лета князь Василей Михайловичъ Кашиньский... ис Кашина
присла данищиковъ своихъ во уделъ князя Всеволода Алексадровичя въ Холмъ,*

и взяша дань на людехъ въ Холму, и поиде во Орду ко царю Чянибеку, Азбякову сыну.

Макс вспомнил эту историю, читал про нее не раз – «ограбление» Всеволодом, непонятно как получившим титул на тверское княжение, своего дяди, Василия Михайловича. Причем ограбление не просто так, а за дело. Дядюшка Вася думал, зараза, что, раз он старший остался после смерти великого князя Тверского, Константина, то и княжить ему далее. И послал он собрать дань с народа, чтобы не с пустыми руками в Орду идти, просить ярлык на княжение. А Всеволод, племянничек его, в это время как раз там, в Орде, и околачивался. И по-тихому, без громких заявлений и кипеша, ярлычок-то и получил, став полноценным Тверским князем. И узнав, что дядюшка с его владений дань собрал, немного обиделся, и дядюшку так напряг при встрече «на реке Бездеже», что тот «опечалился зело».

История и продолжение имела. Дядюшка тоже был не лыком шит, к князю московскому, Симеону, подмазался, сына своего, Мишу, на дочке симеоновой женил. А Симеон в Орде тогда в авторитете ходил. Словечко молвил за родственничка нового, ну а кто же авторитету-то отказывает, дали дяде Тверское княжение. А дядя-то злопамятный был. Не забыл, собака такая, вернув себе ярлык на княжение, всячески гнобить племянника, вынудив его, в результате, в 1357 году сбежать в соседнюю Литву.

Достав пятьсот рублей, Макс протянул деду – мол, хорошие книжки у тебя дед, правильные. Сзади раздался призывный сигнал. Старый, потрепанный жизнью Ниссан Патруль серо-ржавого цвета, помнящий еще гонку вооружений и встречи Горбачева с Рейганом в Рейкявике, остановился рядом с Паджеро и оттуда махали руками его приятели. Продавец что-то пролепетал, мол, много дал, Макс остановил его жестом и уже направился от книжного развала, но дед ловко ухватил его за рукав камуфляжной куртки.

– Не ходи с ними, не надо, – еле слышно сказал он. – Беда большая будет, один сгинет бесследно, а остальные – опасность большую имеют. – Дед крепко держал Макса за руку и не собирался отпускать.

– Не бойсь, деда, прорвемся как-нибудь. – Макс освободил свою руку и хлопнул деда по плечу. – Не бойсь.

Дед что-то еще пытался сказать, но Макс уже шел к приятелям.

– Держите, – сказал он, протягивая им книгу – изучайте матчасть. Сегодня мы будем искать Холмское княжество, вот вам научное пособие. Как добрались?

– Здорово, браза, – проорал Егор, перекрикивая лихие записки Металлики, летевшие из его магнитолы. – Нормально так добрались, только вот Серега уже успел...

В руке у Сереги вызывающе блестела банка «Золотой Бочки».

– А я что? – занудил Серега. – Я же не за рулем! Мне, наоборот, даже показано сегодня с утра. Для поправки, так сказать, пошатнувшегося самочувствия.

– Ладно, погнали. – Маршаллин подошел к водительской двери. – Ты езжай вперед, все время прямо. После Княжьих Гор смотри на столбы километровые. Как будет 169, сворачивай налево. Там еще остановка автобусная будет по левой стороне.

Они тронулись. После Волоколамска шикарная магистраль, которой до этого была Новая Рига, превратилась в двухполоску – горки, повороты, фуры, постоянные обгоны. Ниссан уверенно пёр вперед, обдавая Макса сизыватым дизельным дымком, когда обороты его убитого двигателя были слишком низкими. Маршалину не составляло труда держаться в кильватере. Радио перестало принимать практически сразу – сказывались горки и удаление от Москвы. Макс порылся в дисках и поставил первый попавшийся, подходящий под настроение. Стинг негромко забормотал в мощных колонках.

Он вспомнил, как познакомился с приятелями. С начала – с Егором. Они работали тогда оба в одной конторе, у американцев. Чем занимался тогда, да и чем занимается сейчас Егор, Макс так и не понял. Подчиняясь кому-то из европейского офиса напрямую, он сидел в отдель-

ном закутке московского представительства, время от времени выползая курить на массивный балкон сталинского здания. То, что Егор – копатель со стажем, Макс узнал случайно, на очередном перекуре. Оказалось, он занимается этим давно и серьезно. За спиной – не один десяток поднятых и опознанных советских и немецких солдат. Копал Егор, в основном, войну. Часто и подолгу он выезжал в места кровопролитных боев, под Ржев, Демянск, Вязьму. Он дал Маршалину свой металлоискатель, попробовать, что это такое. Тогда-то Макс и «заболел» приборным поиском. Это по-научному. А по-простому, по обывательски – кладоискательством.

Как оказалось, этим хобби увлекаются тысячи, а может быть, и десятки тысяч людей. Наша земля, богатая историей и войнами, с радостью отдает человеку с «клюшкой» и лопатой то, что долгие годы до этого хранила – монеты, перстни, кресты. И одновременно с этим – патроны, снаряды, неразорвавшиеся мины.

Макс купил себе простенький прибор, «Фишер», чтобы попробовать. Попробовал. Увлекло. Поначалу, конечно, не очень получалось. И место не удавалось найти подходящее, а если и место было хорошее, то ничего ему не попадалось, кроме патронов времен последней войны. Затем он познакомился с Серегой. На одном из кладоискательских форумов они случайно выяснили, что живут практически рядом – в соседних домах. Встретились. Попили пива в местном кабачке, пообщались. Серега пригласил его на Поле. Поле было бескрайнее. Располагаясь сразу за объездной дорогой деревни Рогачево, оно хранило многовековую историю проведения многочисленных ярмарок. Судя по находкам, которые были на этом Поле делом обыденным, торговали здесь с допетровских времен. Маленькие серебряные чешуйки, удельные копейки, огромные екатерининские пятаки, аккуратная медь Александра третьего и Николая второго – здесь веками люди продавали и покупали скот, здесь же отмечали удачные сделки, сопровождая праздник огромным количеством выпитого. Ну, а какая русская пьянка без драки! Тут же, на поле, и дрались. Поэтому, помимо монет, здесь можно было найти и старые медные пуговицы, и серебряные нательные кресты, и перстни, и даже старинные пули. Каждый год поле исправно перекапывалось усердными колхозниками и каждый год борона трактора поднимала из недр земли практически на поверхность очередную порцию раритетов, привлекая бесконечные потоки московских кладоискателей.

На этом Поле, в первый выезд с Серегой, Маршалин нашел свою первую монету. Полностью убитая, в зеленом медном окисле, с практически неразличимыми надписями, эта копейка 1869 года положила начало огромному списку его кладоискательских трофеев. Причем, как это обычно бывает, одно увлечение потянуло за собой другое. Для того, чтобы найти место будущего поиска, ему приходилось изучать десятки старых карт и сотни документов. Совершенно незаметно история вошла в его повседневную жизнь. Научные труды и мемуары прочно заняли место на книжных полках. Порою он отмечал, что перипетии сюжетов и переплетения судеб в каком-нибудь научном исследовании на деле оказывались намного сложнее, запутанней и интересней самого захватывающего детектива. Макс с огромным интересом «глотал» многотомные монографии, а в магазине Академкниги на Вавилова его уже узнавали продавцы. Именно в этом магазине, на Вавилова, он купил как-то Борзаковского и Клюга. Обе книги были посвящены истории Тверского княжества – теме, которой Макс в тот момент усиленно интересовался. Примечательно, что оба автора были сугубо теоретиками. Сидящий на своей кафедре истории в Санкт-Петербурге Борзаковский все свои исследования и труды писал на основе доступных ему источников – редкие грамоты, карты, историческая литература. Слепнув к концу жизни, Владимир Степанович так и не увидел края, историю которого он так преданно, с любовью описывал. Эрхард Клюг вообще был немец и свою работу писал, находясь территориально еще дальше от Твери, чем Борзаковский. Несмотря на все это, обе книги в чем-то повторяя, а в чем-то дополняя друг друга, смогли раскрыть Максиму темные страницы средневековой истории: политические дрязги и междоусобица, жестокие войны и коварные предательства – история Тверской земли была богата на события. Лишь один момент остался

для Макса нераскрытым, и именно сегодняшней поездкой он решил закрасить это белое пятно истории.

Холмское удельное княжество. Где оно находилось? Ни один из историков так и не смог однозначно ответить на этот вопрос. Кашин, Торжок, Ржев – все эти столицы мелких удельных земель, входящих в тверское княжество, и по сей день стояли на своих местах. А вот с Холмом вышла «непонятка». Где именно он находился, ни один из источников не мог сказать определенно, одни предположения. Каждый из них предлагал читателю несколько вариантов, но все они казались достаточно натянутыми. Одним из вероятных мест локализации столицы Холмского уезда называлась деревня Красный Холм Зубцовского района. Место, которое Макс хорошо знал с детства, более того, в этой деревне стоял дом его родственников, которые не возражали против того, что на эти выходные их дача станет базой небольшого кладоискательского коллектива. Все напутствия свелись лишь к фразе «Не сожги деревню», когда дядька Макса по отцовской линии передавал ему ключи от родового гнезда. И сейчас два внедорожника летели по трассе Москва-Рига в направлении бывших земель Великого Тверского Княжества.

– Егорыч? – Макс включил рацию. – Прием типа.

– Прием, прием, браза, – прохрипел из динамиков Егор.

– А чего это Сергей Александрович так накушавшись?

– Так это... горе у них большое.

– Что случилось?

– Благоверная его, Настасья Пална, к маменьке подались, в Пензу. Вот он разлуку и переживал вчера всю ночь.

– И что же, никто не утешил болезного?

– Как же, – хмыкнул приемник. – Нашлась добрая душа.

Рация затрещала и оттуда послышался голос Сереги:

– Врет он все, не было у меня никого. Васька заезжал, пиво пили, футбол смотрели.

– Ага, – это опять был Егор. – Видел я этого Васю, браза, у него бюст – пятый номер, точно говорю.

– Рация возмущенно, но неразборчиво захрюкала голосом Сереги.

За деревьями показались синий дорожный знак и бетонная стелла.

Граница Московской и Тверской областей. Большая Российская Тайна. Почему-то всегда на разделе областей дорожное покрытие меняет свое состояние. От отличного к ужасному, или наоборот. То, что покрытие кладут в этом месте разные организации, это понятно. Но почему с одной стороны от границы асфальт отличный, а с другой убитый? В каких бы краях это не происходило, феномен повторялся везде с упорным постоянством. Причем, какую-то логику в состоянии асфальта найти было трудно. Заезжая в какую-нибудь область с Севера, путник попадал на отличную гладкую дорогу, такой же был въезд в ту же область с Запада. А вот с Юга и Востока дороги после вывески с названием этой же области напоминали о военных историях про бомбежки и немцев.

Не был исключением и этот раз. Сразу после знака «Тверская область» джипы начало ощутимо потряхивать, а на самой дороге появилась угрожающих размеров колея. Несмотря на то, что скорость они сбавили, Макс опять взял рацию: «Не проскочите, следите за столбами». Кладбище по правой стороне и синий указатель «Князьки Горы 3 км» были знаком, что они почти приехали. 167. 168. Километровые столбы летели навстречу. 169. Ниссан включил поворотник и через три минуты и километр щебенки внедорожники, расплескивая многовековые лужи, ввалились в деревню Красный Холм.

«Село Красный Холм. При пруде и колодце. Число дворов 72. Жителей 245 муж. полу. 236 женскаго. Церковь православная 1. Часовня 1». Такое описание давал «Список Населенных Мест Тверской Губернии 1861 года».

Спустя сто сорок шесть лет, в 2007-м году, деревня уже была не та. Часть домов стояла брошенная. Остальные – практически все принадлежали московским «дачникам». Не в силах оставить навсегда родные места и поменять красоту практически нетронутых полей и лесов на тесноту садовых товариществ, перебравшиеся в Москву потомки жителей Холма до сих пор приезжали сюда на лето, вывозили детей и стариков. Постоянных жителей было немного, полтора-два десятка. В основном, это были «бабки», надолго пережившие своих дедов, павших в неравной борьбе с зеленым змием. Тянувшие на своих плечах нелегкое бремя деревенского хозяйства, даже в июльскую жару щеголяющие в телогрейках, они всегда при встрече вызывали у Макса чувство глубокой обиды. Проводя по работе много времени в Европе, Макс не мог не заметить значительной разницы между этими, согнутыми жизнью и судьбой, доживающими свой нелегкий век женщинами, и их ровесницами – вызывающе бодрыми и жизнедеятельными европейскими старушками, обвешанными фотоаппаратами и видеокамерами, путешествующими по всему миру и не собирающимися и думать о старости.

Несколько раз окунув сталь кенгурятников в лужи, внедорожники остановились у слегка покосившегося дома светло-голубого цвета. Когда-то этот дом построил Максов прадед, Илья. Собственно, после отмечания знаменательного события, окончания стройки, выпив с утра заботливо поднесенный прабабкой стакан самогона, дед Илья отдал Богу душу, унеся с собой тайну нахождения семейного богатства. Будучи на редкость вредным типом, прадед, однако был натурой деятельной. Удержав свой достаток и локальное влияние в период революционных штормов, он еще и подняться смог на волне коллективизации, руководя какое-то время заготовкой зерна в окрестных селах. Но мир не без добрых людей. Как водилось в то время, доносы писались всеми на всех и, благодаря неизвестным доброжелателям, дед Илья сменил свою деятельность на ниве зернозаготовок на постройку Беломоро-Балтийского канала. Отработав несколько лет в лагерях, он возвратился домой, что, кстати, было редкостью в то время. Видимо, сила духа, природное упорство и нескончаемая вредность не дали ему сгинуть бесследно в северных болотах вместе с сотнями тысяч своих коллег по несчастью. Объегорив советскую власть и в этом, вернувшись, он стал поднимать свое хозяйство, причем, непонятно на какие доходы – казалось бы, во время ареста тогда забиралось все. Но только не у Ильи Маршалина. Сразу после возвращения он занялся постройкой нового дома. Он практически закончил его, но подорванное в лагерях здоровье не вынесло похмелья и прадеда не стало. В каком укромном месте он взял деньги на постройку дома и сколько еще ценного в этом укромном месте осталось лежать – этот вопрос даже беспокоил его потомка, имеющее такое подходящее по случаю хобби, как кладоискательство, однако поиски никакого результата не давали. Добавила остроты всей этой истории прабабка Макса, баба Маша. Помирая, она сказала Максимовой тетке – «на золоте сижу, Маринка, а где оно – не знаю».

И подпол дома, и старый сад – все было прозвонено самыми современными приборами, истыкано шупами и ископано верным «фискарем» – никакого результата. Макс даже подумывал привезти сюда «глубинник» – металлоискатель, позволяющий находить предметы на глубине в несколько метров, мысль о дедовом кладе не давала ему покоя. Однако сегодня они приехали не за этим. Он даже решил не напоминать друзьям о дедовом кладе (а они в свое время активно помогали Маршалину искать фамильное сокровище), дабы не сбить их с главной темы этой поездки – поисков Холмского княжества.

Бросив вещи в прохладу старого дома, кладоискатели наскоро перекусили и разложили карты. Планы Генерального Межевания времен правления Екатерины II, разноцветные карты Менде девятнадцатого века и самые современные спутниковые снимки этого района.

– Давайте определимся, что мы ищем. – Макс склонился над фото из космоса. – Прежде всего, нужно попытаться найти вал. Скорее всего, поселение такого уровня, столица, как-никак, удельного княжества, должно было быть защищено. До кремля и крепостных стен Холм не дорос, но какие-то минимальные фортификационные сооружения просто обязаны были

быть. Земляной вал, возможно, частокол. Последний уже давно сгнил, а вот остатки вала можно попробовать найти. Что-то похожее можно представить вот здесь, – Макс провел фломастером по снимку. – Вот здесь и вот здесь.

– Мы разделяемся и шурфим каждый свою зону в нескольких местах. Кто первый найдет хоть что-нибудь, похожее на культурный слой – тот молодец. – Он достал из рюкзака портативные рации. – Держим связь, сообщаем о находках.

Сергея взял у Маршалина фломастер и подписал на выделенных зонах цифры – 1, 2 и 3. Достал из куртки коробок спичек, вынул оттуда три штуки и, отломив у одной четверть, а у другой половину, зажал их в кулаке.

– Тяните.

Максу достались окрестности деревенского пруда, Егору – поляна недалеко от церкви и местного кладбища, Серега вытянул дальнюю околицу.

– Ну, как всегда, – заныл он. – Мне же дотуда полчаса идти.

Егор, поморщившись, бросил ему ключи от Ниссана.

– Не засади где-нибудь. И это, брала. Пива не пей больше. Здесь, конечно, гаишников нет. Но, сам понимаешь, пьяный за рулем – убийца. Заедешь в чей-нибудь курятник – побьют тебя пейзаже.

– Да ладно тебе, – Серега заметно повеселел, – ничего не случится, ты же меня знаешь.

– Угу, – буркнул Егор. – Именно поэтому и предупредил.

Подбросив Егора до церкви, Макс остановил Паджеро на берегу пруда. Пруд был классический, деревенский – старый, с заросшими камышом берегами и с древними, сгнившими уже, мостками. На берегу этого пруда нетрудно было представить себе грустно сидящую васнецовскую «Аленушку», да и в сказки про водяных и русалок на берегу именно этого пруда верилось гораздо легче, чем на набережных одетой в каменные шубы Москвы-реки.

Неторопливо собрав металлоискатель, он, подумав, выставил режим «все металлы» – место не должно быть особо замусоренным различного рода гвоздями, а вот любая находка сейчас будет в тему. Опять же, именно в этом режиме достигается максимальная глубина обнаружения предметов. Держа катушку параллельно земле, делая широкие махи «клюшкой», он неторопливо шел, стараясь не оставить ни сантиметра необследованной поверхности.

Как всегда, первые сигналы о целях вызвали целую гамму чувств. Радость находки, надежда, что она будет интересной, страх разочарования. Что там, под землей? Гвоздь, патрон, неразорвавшийся снаряд с предательски торчащим взрывателем? Или монета, серебряный крест, старинный перстень? Пока не откопаешь – не поймешь. Поэтому вонзаешь блестящий, как зеркало, штык «Фискаря» в землю, приседаешь и разламываешь в руках, с замиранием сердца, ком глины или чернозема. Прозваниваешь прибором обе половины, чтобы понять, в какой из них прячется вожаделенная находка. Опять ломаешь ком пополам, опять прозваниваешь... И так до тех пор, пока в земельной массе не нащупаешь искомое – кругляшок убитой временем и удобрениями монетки. Либо блеснет в темноте чернозема серебряный отлив овальной, неровной формы, чешуйки. Либо вылезет из комка старинный крестик. А к концу дня поиска каждый сигнал означает не только потенциальную находку. Ибо находка ли там – еще не ясно, а вот то, что придется опять присесть, хотя мышцы ног уже гудят, как струны ресторанного контрабаса и отказываются слушаться, копать ослабевшими уже руками землю, вставать опять, напрягая уставшую спину – вот это все придется точно. И тогда ты пересиливаешь себя, отметаешь назойливую мысль «зачем копать, опять пробка», и копаешь, копаешь, копаешь. До тех пор, пока не опустится темнота на землю, либо не сядут батарейки у прибора.

Именно в этих ощущениях – сначала неизвестности, потом ожидания, надежды, потом – удачи или разочарования, именно в этих ощущениях и сокрыт весь смысл поиска. В азарте, в

эмоциях, а не в цене находок, как зачастую описывают процесс кладоискательства недалекие журналисты.

Первые находки не заставили себя ждать – ржавые гвозди, современные, небольшие и круглые. Гвозди старинные – огромные, квадратного сечения, водочные пробки всех годов, начиная, наверное, с эпохи динозавров, в общем, классический набор деревенского мусора. Были и полезные находки – пара медных монет и нательный крестик. И даты на монетах, и тип креста говорили о середине девятнадцатого века. Обычные находки в обычной деревне – ни следа средневековой столицы.

Дойдя до предполагаемого места расположения земляного вала, Маршалин порядком загрустил – вал там действительно был, но, похоже, назначение его было скорее гидротехническим, чем фортификационным. По сути, это была небольшая насыпь – плотина на маленьком ручейке, протекающем от трассы до деревни. Видимо, в сильно дождливую погоду ручеек этот, сейчас практически невидимый, доставлял неприятности деревенским жителям, заблачивая свои окрестности, поэтому и сделана была эта насыпь. Копнув для успокоения совести пару шурфов, Макс убедился, что ничего, кроме серой глины во внутренней части вала нет. А с учетом того, что при удалении от пруда и мусор в виде гвоздей и пробок, и полезные находки стали попадаться все реже, он понял, что его вариант «не сыграл». Вернувшись к пруду, подняв по пути еще пару медных монеток все того же девятнадцатого века, он, закурив, достал рацию – нужно было понять, какие результаты у остальных.

– Ну, как у вас? – буркнул он в Моторолу. – Есть что интересное?

– Да ни фигя, браза. – Это был Егор. – Меди имперской десяток, да две чешуйки грозненские. А у тебя как?

– Еще хуже. Серега! У тебя как?

Серега не отвечал. Макс опять вызвал Егора.

– Егорыч, ты еще покопаешься, или захватить тебя? Я хочу до Сереги доехать, что-то он не отвечает.

– Да он как обычно, наверное, рацию в машине оставил. Захвати меня, я к церкви выйду.

Кинув в багажник прибор и лопату, Макс направил Паджеро к церкви, где его уже поджидал Егор. Забравшись в машину, тот вывалил из кармана горсть позеленевшей меди. Пару «денег» середины 18 века, несколько николаевских копеек, серебряные чешуйки, заботливо положенные под целлофан сигаретной пачки – ничего особенного. Пожалуй, только пять копеек Екатерины Второй, «Катькин пятак», как называют эту монету копатели, был в неплохом состоянии и приятно радовал руку своим весом и хорошо сохранившейся легендой.

– Ну, считай, на пиво ты сегодня накопал. – Макс еще раз посмотрел на монету и снова удивился хорошему состоянию. – Жалко, что не кладовый. Потеряшка.

Они выехали из деревни и увидели стоящий посреди поля Ниссан.

Покопал Серега прилично. Паджеро чуть не въехал в один из шурфов, Макс успел его заметить в последний момент – яма глубиной в полметра. Это только по-научному – шурф, а по-простому – канава. Маршалин негромко выругался. В такой канаве всю подвеску можно было оставить, влети они туда сходу. Внедорожник остановился около Сереги. Рацию, как и предполагалось, он забыл в машине.

Серега сидел с банкой пива на краю очередной выкопанной им канавы и, блаженно улыбаясь, смотрел на приятелей. Перед ним был разложен дождевик, на котором были выложены находки.

– Слышь, браза! Какого ты рацию в машине оставил? – набросился на него Егор. – Алкоголик хренов.

– Да подожди ты. – Макс склонился над находками Сереги.

Наконечники стрел, пара перстней домонгольского периода и, главное, медная монетка, на удивление хорошо сохранившаяся. Голова быка с одной стороны и надпись «Пуль тферско» – с другой. Тверское пуло, конец XIV – начало XV века. Практически, начало монетного дела в России. Это вам не гвозди ржавые и не пробки водочные.

– Ну что, могу вас поздравить. Что-то хорошее мы точно нашли. Во всяком случае, по времени совпадает – наш вариант.

Сергея, который, естественно, понял это раньше остальных, довольно улыбался, потягивая пиво, а Егор, хотя и злился на него до сих пор за рацию и алкоголь, довольно бормоча себе под нос, склонился над находками.

– Слушай, а перстни эти точно домонгольские?

– Скорее всего, да. – Макс взял протянутый Егором перстень, покрутил в руках. – По крайней мере, похожие я в интернете видел – датировались именно как домонгольские. Да и пуло тверское подтверждает. Похоже, все-таки нашли.

Место было найдено, что еще оставалось? Еще несколько часов вся троица усердно утюжила так удачно локализованное Сереей поселение. Конечно, у первооткрывателя была фора – пока Макс и Егор изучали по водочным крышкам историю алкоголизации села, он успел нарыть порядочно. Но и сдаваться просто так никто не собирался. Сергей уже откровенно филонил, лениво ковыряя землю «фискарем», только и делая, что отлучаясь от раскопа по разным причинам – то пивка глотнуть, то ради обратного, так сказать, процесса. Его друзья пытались если не перегнать, то хотя бы догнать счастливицу по находкам. Что, в конце концов, и произошло. К концу дня на дождевике было выложено три примерно одинаковые кучки хабара.

Что же, день прошел не зря и был повод это отметить. Договорившись копать назавтра с раннего утра, копатели вернулись в дом. Раскопегарили печку, не столько для тепла, сколько для безумного аромата топящейся русской печи. Как опытный искатель, опять же, чувствуя себя полноправным хозяином дома, Макс забрался в подпол и обнаружил там потрясающие вещи – ряды банок стояли вдоль стены. Взяв одну наугад, он понял, что с закуской у них проблем не будет. Вкус этих огурчиков он помнил с детства – в меру соленые, в меру острые, с чесночком, обалденно хрустящие.

Друзья с удовольствием отпраздновали первый удачный этап мероприятия, не обделив и Сереегу, который, хоть и был уже хороший, с учетом выпитого за весь день пива, но все-таки заслужил сегодня толерантное отношение со стороны приятелей. Огонь в печке негромко трещал, на столе стояла запотевшая бутылка «Стандарта», извлеченная из недр раритетного холодильника марки «Зил», огурчики были заботливо уложены рядком на тарелки и по комнате разносился их волшебный аромат.

– Егорыч, – Макс разлил очередную порцию. – Вот мы тебя сколько знаем, года три уже? Расскажи-ка нам, как ты копать начал.

– О, это была забавная история. – Егор мечтательно улыбнулся. – Во всем виновата была, как обычно любовь...

– И, наверное, сиськи, – включился в разговор Сергей.

– Ну, наверное да, не без этого. Я тогда классе в седьмом был. Сами понимаете, подросток в период полового созревания – существо асоциальное, опасное и непредсказуемое. А в школе у нас пионервожатая была, Зина. Ух, знойная женщина, я вам скажу. Вот и случилось у меня к ней всеобъемлющее и всепоглощающее чувство. А так как пионером я был неважным, да, прямо скажем, хреновый пионер из меня был, надо было какие-то точки соприкосновения искать. Вот тогда-то я ей ветерана и подогнал.

– Какого ветерана?

– Да самого натурального, жил у нас в доме. Контуженный на всю бошку. Ну, а времена такие были – никто не забыт, ничто не забыто. Вот я к Зине и подкатил – так, мол, и так,

есть у меня знакомый ветеран, личность насквозь героическая. Уничтожал фашизм в окрестностях нашего славного городка. Не создать ли нам с вами, Зина, пионерский поисковый отряд, дабы на основе ветеранской информации доставать из-под земли документальные свидетельства нашего военно-героического прошлого. Ну и понеслось. Я-то, конечно, больше тогда о походах думал, да о ночевках в палатке. Ну, а потом самому интересно стало, что мы там откапываем. А уж когда первого бойца подняли, да медальон нашли, а потом и родственников его отыскивали – вот тут-то меня совсем и накрыло. Так и копаю до сих пор.

– Ну, а с Зиной-то что. Получилось?

– Да что там могло получиться? Там учитель музыки нарисовался. Он её коллекцией советского рока заинтересовал. «Черный Кофе», «Ария», еще что-то. В походы с нами ходил, гад. Потом она за него замуж вышла. С тех пор я этот говнорок русскоязычный как-то не очень люблю. Мне больше «Металлика» нравится.

Сергея тяжело вздохнул – пронял, видимо, его рассказ Егорыча.

– Эх, у меня вот тоже как-то девка была – огонь. Артистка цирка! Ну и сильная была, жуть. Ладно, пойду я спать – потом расскажу как-нибудь...

Когда уже совсем стемнело, Егор где-то откопал гитару и старинная, как минимум, шестисотлетняя деревня Красный Холм познакомилась с гимном копательской братии двадцать первого века:

Старый следопыт – ясные глаза
Знает, кто и где зарыт много лет назад
Старый следопыт ясные глаза
Знает, кто и где зарыт раз и навсегда

Выйдя из дома покурить, Макс присел на скамейку в небольшом палисаднике перед домом и долго смотрел на огромную луну, висевшую над деревней. Местами скрытая небольшими тучами, серебряно-бледная, она висела над деревней, освещая поле, на котором были сделаны сегодняшние находки. Казалось, она касалась черной зубчатой стены леса, будто зацепившись за нее. Пора было спать.

Когда они вышли из леса, луна уже вошла, освещая своим бледным светом широкую долину. Недалеко от них, шагов семьсот, не более, виднелся городок, маняще зовущий теплом огней и запахом еды. Путники устали. Шел тридцатый день их путешествия, они давно покинули приютившую папский престол Францию, прошли горы Австрии и Богемии, пересекли неряшливую Польшу и неторопливую Литву. Весь этот день они шли по Тверским землям – пустынным и диким местам. До Москвы, столицы этого варварского государства, оставалось 2 дня ходу. Их священная миссия, о которой, впрочем, знал только один из путников, заканчивалась именно там.

Аббат показал рукой на городок, и троица ускорила шаг. При удачном раскладе их ждал здесь ночлег и ужин, при неудачном... кто их знает, этих варваров. В Европе столько рассказов ходило о дикости и темноте этого народа, что и верить было страшно. Как этим дикарям удалось заполучить величайшую Святыню? Какими вообще неисповедимыми путями оказалась она в этом глухом краю?

Дорога привела их к воротам в высоком частоколе.

– Кто такие? – Стражник у дверей был воистину огромен, а количество растительности на лице (бородой это трудно было назвать), казалось, пыталось составить конкуренцию лесам, покрывающим этот глухой край.

– Путники. Везем послание от его Преосвященства, Папы Римского Климента Шестого, Великому Московскому Князю, Симеону.

Аббат в очередной раз порадовался мудрому решению Папы дать ему в сопровождающие этого громилу – литовца. Он прекрасно исполнял роль охранника. Близ одной польской деревушки шайка негодяев хотела пожить, встретив на пути хорошо одетых европейцев во главе с аббатом, но общение с Литовцем навсегда отбила у них эту охоту. Даже если кто-то из поляков и выжил после встречи с ним, он надолго забудет про свой лихой промысел. Помимо этого, сносно говорящий на варварских языках, Литовец должен был стать переводчиком на пути в Московию, с чем он в очередной раз, похоже, прекрасно справился.

Путников провели в город, да, собственно, и городом то это называть было странно. Десятка два низких, приземистых деревянных домов сгрудились вокруг единственной площади, над которой возвышалась церковь, тоже, видимо, деревянная. Аббат отметил про себя, что надо будет утром рассмотреть ее поподробней. Ему говорили в Риме, что варвары-русы строят церкви из дерева, не используя ни единого гвоздя. Конечно, этот небольшой сруб и близко не сравнится с величественными римскими соборами из камня и мрамора, но, наверное, будет забавно по возвращении рассказать об этих чудовинах, которые ему довелось увидеть своими глазами. Рядом с церковью он разглядел под светом луны большое строение, размерами гораздо больше, чем окружавшие его домишки. «Видимо, дом местного князя», – подумал аббат и оказался прав. Собственно, к этому дому их и привел стражник. Он открыл дверь небольшой пристройки – скорее, даже, сарая, прилепившегося к стенам княжеских палат. Бородатый жестом показал им на вход и, передав Литовцу еле коптивший факел, пошел обратно в сторону ворот. Громила первый зашел в дом, огляделся, насколько позволял еле тлеющий огонь, и дал знак попутчикам. Оставив слуге лошадей, аббат вошел в их временное пристанище – низкий потолок, земляной пол, очаг из камней по центру, охапка хвороста. Шкуры, брошенные по углам, видимо, исполняли роль кроватей. Несмотря на лето, внутри было довольно сыро. Аббат разжег огонь в очаге и приступил к молитве. Его священная миссия, порученная Папой, была близка к завершению.

Огонь в очаге разгорался и сырость отступала.

– А вот скажи мне, литовец. – Слуга подсел поближе к огню, уплетая кусок овечьего сыра. – Это правда, что монголы русов завоевали? И что русы монголам дань платят?

– Дань платят, это верно. – Литовец усмехнулся. – Только никто их не завоевывал.

– Как же так?

– Да вот так. Завоевать – это что значит? Значит, поработить, заставить на себя работать. Пользу приносить. А этих русов еще никто смог заставить.

– Как же они живут?

– Так и живут. Дань платят. Когда надоест, соберутся вместе – татарам мало не покажется. Да и татары это понимают, сюда не суются, сидят себе где-то там, далеко. А местные князья к ним на поклон ездят.

– Почему так?

– Да потому что если татары сюда придут, побьют их тут сильно. Не любят тут татар.

– А почему же платят?

– Так мужик же не татарину платит, а князю своему. Это потом уже князь все татарам везет.

– Странные они.

– Да уж. Одно слово – варвары.

Скромно поужинав и помолившись на ночь, путники легли спать...

Проснулся аббат от громких криков снаружи. Громила-литовец уже не спал и напряженно стоял у входа. Как понял аббат, он тоже только что проснулся и пытался понять, что происходит снаружи. А снаружи все было плохо. Топот лошадей, крики мужчин и женщин, всполохи огня. Вытащив из ножен короткий меч, литовец выжидательно посмотрел на аббата.

– Уходим, – сказал тот и, пнув слугу, спящего как ни в чем не бывало, быстро собрал свои вещи.

Шум снаружи усиливался. Уже отчетливо слышался звук металла, бьющегося о металл. Несколько человек бежали через площадь, что-то крича. На окраине загоралось зарево пожара. Стараясь держаться в тени домов, путешественники быстро пошли в сторону, противоположную схватке. Выбежавшая из ближайшего дома женщина бросилась к ним, о чем-то умоляя, но литовец просто отстранил ее, убрав с пути. Шум схватки, который раньше был сзади, теперь раздавался справа, и литовец, шедший впереди с мечом в руке, взял левее. Наконец вдали показался черный частокол ограды. До него оставалось не более двух дюжин шагов, когда они услышали приближающийся сзади топот – четыре всадника двигались прямо на них, освещая себе дорогу ярко горящими факелами. Частокол был все ближе, аббат и слуга побежали, а телохранитель, держа меч перед собой, отступал спиной вперед, прикрывая их. Место было узкое – стена дома с одной стороны и небольшой прудик с другой давали путникам шанс успеть добежать до частокола. Трое всадников пошли на литовца, что-то крича на своем гортанном наречии, а четвертый свернул в сторону, видимо, желая объехать пруд и догнать беглецов. Литовец что-то отвечал им, но не переставал отступать, держа меч перед собой. Вот и частокол. Грузный слуга неловко пытался взобраться на поленницу, чтобы перелезть через препятствие и аббат, услышав хруст ломаемых веток в кустах рядом, с силой подтолкнул его так, что тот перелетел через ограду и громко обрушился с той стороны. Оглянувшись, аббат увидел, как отчаянно бьется громила с всадниками, как один из них занес меч над головой Литовца. Аббат подпрыгнул, зацепившись за край частокола и уже практически был на той, спасительной, стороне, когда стрела варвара, разрезая со свистом воздух, пришла ему в спину, и от толчка он упал вниз. Слуга бросился к нему, но силы уже оставляли аббата. Достав последним усилием воли небольшой сверток из тонкой кожи из складок своей походной рясы, он вложил его в руки слуги, стоящего над ним в слезах. Он так и не исполнил поручение Папы. Он так и не достиг святости. Он не смог... это была его последняя мысль.

Увидев, что глаза аббата закрылись, а тело обмякло, слуга, рыдая и сильно хромя, побежал, насколько хватало сил. Освещаемый яркой полной луной, он являл собой отличную мишень. Подвернутая при падении нога не давала бежать быстро, руки держали сверток, прижав его к груди, а губы шептали молитву сквозь сбитое бегом дыхание. До возделенной стены леса оставалось совсем немного. Вот уже видна была граница тени, которую бросал он на край поля. И уже несколько шагов оставалось до этой границы, когда что-то ударило его в спину, опрокидывая на землю и разворачивая. Его руки распахнулись, выпуская сверток, а глаза, удивленные и широко распахнутые, видели лишь огромную белую луну в смертельно-черном небе. И эта луна становилась все больше и больше, пока все его сознание не заполнилось ее ярким всепоглощающим светом...

Застывший в ночи старинный баварский город Аугсбург спал. Уже разошлись из вековых кабаков накачанные пивом туристы и местные жители. Сняли свои фартуки, опустошили большие кожаные кошельки и, довольно посчитав чаевые, разбежались по домам многочисленные официанты. Задремали турки-таксисты, откинувшись в кожаных креслах Мерседесов Е-класса, застывших бледно-желтыми пятнами на своих стоянках. Ушли домой подростки-арабы, задиравшие прохожих у Макдоналдса на Кёниг Платц. Казалось, только двое не спали во всем городе. Стоя на стометровой высоте, на балконе 34-го этажа гостиницы Доринт, этажа, недоступного для постояльцев, и выкупленного целиком под офис одной странной корпорацией, двое мужчин смотрели на пустой город, погруженный в глубокий сон. Один из них был высокий седой немец с острыми чертами лица, жестко очерченным подбородком и жестким взглядом – этакий породистый ариец. Второй был явно азиатского происхождения,

намного меньше ростом, толстоват, менее опрятен, да и вообще, если рассмотреть, с каким подобострастием он смотрел на немца, становилось ясно, кто в этой паре главный.

– Седьмое июля наступило, Магистр, – робко сказал китаец.

– Я в курсе, Минг, – ответил Магистр раздраженно. – Седьмое июля наступило два часа пятьдесят минут назад по центрально-европейскому времени. А в стране, которая подарила миру тебя, недотепу, седьмое июля наступило одиннадцать часов назад. И, что характерно, ни в Северной, ни в Южной Америке седьмое июля еще не наступило. Я прекрасно ориентируюсь во времени, Минг, и не нуждаюсь в часах с кукушкой, которая повторяет одно и то же.

– Неужели вы думаете, что наш объект находится в Америке, Магистр? Мы так долго ждали этого дня, что очень тяжело ждать еще, пока в Америке наступит седьмое число. Да и в предсказании про Америку ничего не было...

– Все может быть, тупица. То, что следы Святыни потерялись в Восточной Европе, ничего еще не значит. Она может находиться где угодно – в Америке, Европе, Азии. Слишком много времени прошло. Слишком мало следов. Всего слишком. В предсказании сказано, что Святыня явит себя миру седьмого июля, но это не значит, что мы увидим это по CNN. Это может произойти тихо и незаметно. В любое мгновение, в любой стране. Именно поэтому весь смысл нашей многолетней работы – подготовиться к этому дню так, чтобы не пропустить появление Святыни. И когда мы узнаем, где она, мы вернем ее и выполним обещание, данное моим предком. Я верю в предсказание, Минг. Это случится сегодня.

Глава 2. Виктория и Елизавета

*«– Никого мы продавать не будем,
Мы пойдем клад искать
– Ура! Склад!»*

Диалог из м/ф «Трое из Простоквашино».

– Слышь, брза... – Егор воткнул штык Фискарса в сухую землю, положил прибор на траву и достал сигареты. – А чем та история закончилась?

– Какая история? – Серега тоже остановился.

– Ну, про тетку из циркового училища, ты вчера рассказывал.

– А, про это... Да так ничем и не кончилось. Ключицу она мне как-то сломала. В порыве страсти, так сказать. Сжала ногами, и все. Хрустнуло. Причем, перелом какой-то сложный был, я недель пять в больнице пролежал. А она, пока я в больнице лежал, с дрессировщиком спуталась. На него потом лев напал.

– И что, умер?

– Кто, лев? Не, не умер, что ему будет, льву-то. Так, по башке дали пару раз, чтобы больше дрессировщиков не ел.

– Да при чем тут лев? Дрессировщик-то выжил?

– Дрессировщик? Этот выжил. Вредный был, скотина. Такие всегда выживают. Он потом еще этой подружке ребенка заделал и в Израиль свалил. Редкой сволочью был. После того случая, со львом, он кошек дрессировать стал. Ну, чтобы не сожрали. Так кошки ему завсегда в туфли концертные гадили. Даже те, которые кастрированные. Потому что кошка, она плохого человека завсегда чувствует.

Погода в это утро испортилась. Темные свинцовые тучи ходили над деревней, а дальше, за лесом, похоже, шел дождь. Они уже часа четыре ходили по полю, и поднятого материала хватило бы на создание краеведческого музея областного значения. Удельные монеты, кресты, украшения – перстни с непонятной пока, до чистки, символикой, фибулы, привески. Карманы камуфляжных курток приятно оттягивала тяжесть находок. Еще более приятными были мысли о последующих этапах – чистке, атрибуции и, черт возьми, в конце концов, оценке. У каждого из них было несколько знакомых перекупов на главной барахолке столицы – Вернисаже в Измайлово, которые всегда с радостью встречали Маршалина и приятелей, – для обеих сторон эти встречи были исключительно взаимовыгодны. Копатели сдавали хабар, по каким-то причинам не осевший в их собственных коллекциях, перекупы же получали отличный, иногда очень редкий, а потому очень дорогой и, соответственно, очень выгодный с точки зрения перепродажи материал – от средневековых украшений, до монет и военной атрибутики. Больше всего связей на «Вернике» было у Егора, сказывалось военно-копательское прошлое. Многие перекупы сами были из бывших «копарей», и с удовольствием рассказывали о замечательных временах – шестидесятых и семидесятых годах прошлого столетия, когда хоть и не было таких умных приборов, но «хабар» лежал под каждым кустом. Тогда, имея только щуп, лопату, да голову на плечах, можно было за несколько дней накопать целое состояние по нынешним меркам.

– Макс, подойди. – Серега стоял над только что вырытой ямкой что-то держа в руках. – Смотри, крест вроде, но какой-то странный.

Маршалин подошел к Сереге. Не то, чтобы он был специалистом по христианской металлопластике, но в их небольшом кладоискательском коллективе за ним закрепилась репутация крестоведа, так же, как Серега отвечал у них за распознавание чешуек, а Егор – за военные трофеи.

Макс взял у Сереги крест и немного почистил его от земли – такого типа он еще не встречал. Вообще, принято деление крестов по основным типам – энколпионы, нательные и наперсные кресты. Энколпионы, или мощевики – это небольшие коробочки в форме креста, в которых носили частицы святых мощей. Нательные кресты – самый, наверное, распространенный тип – это небольшие крестики, которые носили на теле, под одеждой. А наперсные носились «на персях», то есть на груди, поверх одежды. Такие кресты и сейчас в обязательном порядке носят священники, но в Средневековье подобное могли использовать и обычные люди, миряне.

Крест, который откопал Серега, был явно наперсным. Сантиметров двенадцать в длину, из серебра, нижняя перекладина намного длиннее остальных трех, распятие и надписи. Причем надписи, насколько он смог понять, были написаны на латыни.

– Слушай, дружище. – Он отдал крест Сереге. – Явно нетипичная находка. Во-первых, серебро, наши больше из медного сплава делали. Во-вторых, форма. Это так называемый латинский тип. В отличие от греческого, у которого перекладины по длине обычно одинаковые. Ну и надписи на латыни. Похоже, забрел сюда некий католический священник. И, судя по всему, – Макс показал на крест в руках Сереги, – здесь и остался. Непонятно, откуда он здесь взялся, хотя... Княжество Литовское здесь не так далеко, да и Польша рядом. В любом случае, надо атрибутировать. Но вообще – вещь. Поздравляю.

Довольный, Серега убрал находку в карман куртки.

– Надо будет Кириллычу показать.

– Это правильно, – согласился Макс. – Кириллыч – голова. Если его не злить.

Кириллыч, вредный и сварливый старикан, был в свое время авторитетнейшим археологом. На его счету – изучение сотен подмосковных курганов и селищ, десятки трудов и монографий, несколько книг. Уйдя из Звенигородского музея, где он работал научным сотрудником (большой частью из-за ненаучных склок и споров), Кириллыч встал во главе поискового движения, год за годом упорно доказывая своим бывшим коллегам, археологической братии, что приборный поиск не только не вредит науке, но и всячески ей помогает, ибо поисковики – это энтузиасты, которые вводят в научный оборот то, что годами лежало, сокрытое в земле, и то, что никогда не нашел бы профессиональный археолог, ибо копают археологи и поисковики в разных местах. Если первые изучают археологические памятники, стоянки ранних славян, селища и городища, то вторым, которым по закону запрещено копаться на вышеуказанных местах, достается все остальное – канувшие в небытие деревни, распаханные десятилетиями ярмарки, трактиры и постоянные дворы. Однако иногда у непрофессионалов, любителей попадаются такие находки, увидев которые археологи начинают рвать волосы и грязно ругаться словами, недостойными их научных степеней. В данный момент Кириллыч, ушедший из археологии, писал книги, выезжал в поля, консультировал на одном из интернет-форумов неопытных пока искателей. Макс встречался с ним пару раз на слетах, но, в основном, общение их проходило в виртуальном пространстве. Пару раз Кириллыч серьезно помог Маршалину в атрибуции находок, и Макс искренне считал, что тот легко справится с определением Серегиной находки. Тем более, что именно Кириллыч был автором сборника «Тысячелетие Креста» – каталога крестов, найденных копателями.

Тем временем, погода окончательно испортилась. Уже упали на землю несколько первых капель дождя, уже достали искатели специальные дождевые чехлы – если катушки металлоискателей обычно герметичны (дождь им не страшен), то электронные блоки управления практически беззащитны перед стихией и, зачастую, приходится применять дополнительные средства, оберегающие их. В частности, прозрачные силиконовые чехлы, которые сейчас были одеты на приборы, смогут защитить от небольшого дождика, однако от серьезного ливня, который, как казалось, вот-вот разразится над полем, они не спасут, да и копать под дождем, откро-

венно говоря, занятие то еще. В одной руке прибор, в другой – лопата. Зонтик держать явно нечем.

– Ну что, давайте, наверное, уже к машинам двигаться? – окликнул Макс приятелей.

– Да, ливанет сейчас – мама не горюй, – согласился Серега. – Да и пообедать бы не мешало.

– Тебе бы только жрать, – проворчал Егор, немного расстроенный, что такой обалденный крест достался не ему. Хотя, конечно, Егору грех было жаловаться. В набитых карманах камуфляжа лежала, как минимум, половина стоимости его Ниссана.

Приятель двинулся к машинам, которые сегодня они оставили у леса, чтобы те особо не бросались в глаза.

Егор и Серега уже выключили приборы и несли их в руках, Макс же держал его перед собой включенным, у него уже было несколько случаев, когда самые интересные находки за день попадались ему в тот момент, когда он шел уже с поля. До машин было уже метров пятьдесят, дождь усиливался, приятели ускорили шаг и в этот момент прибор Макса выдал сигнал. Причем, хороший такой сигнал, цветной. Махнув друзьям, чтобы бежали дальше без него, он воткнул фискарь в мокрую, уже расплывшуюся землю. Странно, но на глубине штыка лопаты ничего не оказалось. Обычно все находки располагались максимум в двадцати сантиметрах от поверхности, редко, если глубже. Он проверил прибором – все верно, в выкопанном грунте ничего нет, находка еще внизу, в яме. Дождь уже не просто лил – вода падала сплошным потоком, подобно гигантскому водопаду. Одежда была мокрой насквозь. Макс бросил взгляд на приятелей, те уже успели добежать до своей машины и сейчас Егор заводил двигатель – из выхлопной трубы Ниссана вылетело сизое облако дизельного выхлопа.

Макс еще раз проверил прибором отвал своей ямы – ничего. Сигнал по-прежнему шел из земли. Глубина ямы была уже сантиметров сорок. На дне ее потоки дождя успели собраться в лужу. В очередной раз выкинув их ямы стекающую вниз по стенкам жижу, Маршалин заметил блеск. Вода и грязь снова заполнили дно ямы, но Макса было уже не остановить. Это был именно тот блеск, о котором мечтает каждый из многих тысяч кладоискателей, тот блеск, который не спутаешь ни с каким другим. Тот блеск, который означает только одно. Золото.

Откинув в сторону лопату, работать которой уже было опасно, стальной штык мог повредить поверхность пока непонятного, но, в любом случае, ценного предмета. Встав на колени, он руками выгребал грязь из ямы, иногда нащупывая контуры предмета, а небо, как бы не желая, чтобы этот предмет появился на свет, обрушивало новые и новые тонны водяных потоков, которые, смешиваясь с землей, стекали в яму. Гроза громынула совсем рядом. «Молнией бы не пришибло, – подумал Макс. – Поле все-таки». Он продолжал отчерпывать грязь, вгрызаясь в глину, с каждым движением все больше освобождая непонятный предмет. Уже можно было понять, что он имеет округлую форму бутылки. Ниссан, тарахтя дизелем, пополз к нему по размякшему полю, собирая на колеса килограммы жидкой грязи. Маршалин опять взял лопату, пытаясь немного разбить глину, не выпускающую таинственный предмет. Он долбил в стороне, чтобы ни в коем случае не повредить находку. Наконец ему удалось расшевелить ком. Еще несколько усилий и Макс смог достать его целиком. Стоя в потоках воды, сняв перчатки, он аккуратно счищал слой глины и грязи и, наконец, находка предстала ему целиком. Поднявшись с колен, держа предмет в руках перед собой, он смотрел, как дождь смывает с него остатки земли, и взору предстает что-то нереальное. Сосуд, полностью сделанный из золота, размером с бутылку от шампанского. Пробка, тоже золотая, плотно запаяна. По всей поверхности сосуда шли рисунки и непонятный текст. Сзади подошли друзья, уже понявшие, что Макс нашел что-то стоящее.

– А помните анекдот. – Серега смотрел на золотую бутылку и улыбался. – Типа «Не знаю, кто там на заднем сиденье, но за рулем у него сам Брежнев».

– Это ты к чему? – не понял Макс.

– Да к тому, что, судя по бутылке, – Серега еще раз долго и внимательно смотрел на предмет, – внутри там что-то, что намного ценнее золота. То есть, явно не пиво.

Свернув с по-воскресному пустой Ленинградки на Новопесчаную улицу, Макс резко остановился. Он же совсем забыл про Вику! Она должна была вчера вернуться из командировки, и он даже скинул ей СМС в пятницу, пока еще был в зоне приема: так, мол, и так, встретить не смогу, возьми такси, приеду в воскресенье. И вот сейчас, уже подъезжая к дому, он с ужасом вспомнил, что они договаривались в этот субботний вечер пойти в театр. Ну, точнее сказать, придумала это все Виктория, билеты месяца за два купила. Да, похоже, дома его ждет не понарошку рассерженная фурия. Как он мог забыть! Позвонить ей? Да нет, пожалуй, не стоит. Придется ехать за цветами. Надо же будет как-то вымалывать свое прощение.

Остановившись у цветочной палатки на углу, он зашел в павильон.

– Здрасьте.

– А! Здрасьте, здрастьте! – Толстая хохлушка была рада его видеть безмерно. – Ну что, как обычно?

– Как обычно. – Макс сделал виноватое лицо.

– Что на этот раз?

– В аэропорту не встретил, про театр забыл.

– Понятно. Ну что, тридцатничек?

– Да нет, тут тридцатничком не отделаешься, давайте пятьдесят одну.

Продавщица пошла в подсобку, вытащила оттуда коробку роз и начала распаковывать.

– А я думаю, что-то давненько не заходите.

– Да уж. Я вот, тоже, езжу мимо вас каждый день и думаю, что-то давненько к вам заруливать не приходилось. А тут вот видите, как...

Пересчитав деньги, продавщица хитро подмигнула:

– До свидания, ждем вас снова.

– Угу. Надолго не прощаемся.

Сев в машину, Макс положил розы на переднее сиденье. Да, одних цветов будет недостаточно. Проехав еще метров двести, он притормозил у магазина «Продукты». Спасти его сможет только Бейлиз, Вика его просто обожает.

– Вам маленькую? – Продавец вопросительно посмотрел на Макса.

– Да нет, маленькой, боюсь, не хватит. Давайте литровую.

Водрузив пузатую бутылку рядом с цветами, Маршалин оценил красоту натюрморта. Ну, Бог даст, получится. Дуться все равно будет, но завтра колечко какое-нибудь организуем, и все. Инцидент будет исчерпан.

Запарковавшись во дворе дома, он с сожалением посмотрел на грязный баул защитного цвета, лежащий в глубине багажника. Пожалуй, брать его не стоит, сейчас лучше лишний раз не напоминать, чем вызваны нынешние проблемы в их отношениях, сначала – цветы и Бейлиз, а потом уже можно будет спуститься, поднять вещи. Взяв цветы и ликер, он поднялся наверх и, пока лифт отсчитывал пять этажей, Макс морально готовился к предстоящему скандалу.

– Делаем виноватое лицо, – сказал он сам себе, глядя на свое отражение в зеркале лифта.

Скорчив несколько рож, он попытался придать лицу несчастно-извиняющееся выражение.

– Да, получается не очень. Ладно, попробуем по-другому.

Закрыв глазок массивной бронированной двери огромным букетом роз, он нажал звонок.

Ничего. Макс позвонил еще раз.

Ничего не происходило. Было слышно, как мяукает его кошка Елизавета, но знакомых шагов не было. Странно.

Достав свои ключи, он открыл дверь.

Елизавета Петровна, британка светло-бежевого цвета, встречала его в коридоре, радостно мяукая. Но на этом радостные нотки в открывшейся его взору картине заканчивались. В квартире был бардак. Вещи валялись на полу, машинально он отметил отсутствие Викиного велосипеда в прихожей.

«Кататься поехала, что ли?» – подумал он, но тут увидел записку на тумбочке для обуви.
«Макс Маршалин, ты скотина и эгоист. Иди в жопу. Вика»

Та-а-ак. Макс бродил по комнатам, стараясь не наступать на разбросанные по полу предметы, отмечая отсутствие тех или иных Викиных вещей. Да, на это раз, похоже, все действительно серьезно. За тот год, что они жили вместе, до такого еще ни разу не доходило.

Маршалин устало опустил в кресло и устался в стену. Наконец его взгляд сфокусировался на аквариуме. Вода, водоросли, подсветка. Чего-то не хватало.

«Даже рыбок увезла, сука», – почему то эта мысль его страшно развеселила.
– Елизавета Петровна! – позвал он.

Кошка послушно вбежала в комнату и вопросительно мяукнула. Обычно этим именем ее звали, когда хотели покормить.

– Елизавета Петровна, – Макс серьезно посмотрел на кошку, – вынужден вам доложить, что концепция изменилась. Одна известная вам особа нас бросила. На нас наступают тяжелые времена. Как я могу предположить, вас ожидают сложности с поставками продовольствия, а меня, похоже, ждут проблемы с регулярностью сексуальных отношений. Ну а, впрочем, и с хавчиком у меня тоже все будет нездорово. Как-то привык я, знаете ли, к домашней кухне.

Кошка внимательно смотрела на него.

– Как историк историку, могу вам сообщить, что подобный кризис может продлиться достаточно долго, ибо найти хорошую тетку в наши безумные времена достаточно проблематично.

– И поэтому. – Макс решительно выпрыгнул из кресла и принялся закидывать в шкаф разбросанные вещи. – Только сплотив наши ряды, мы сможем победить голод и разруху. На тебе уборка. – Ему даже показалось, что кошка еле заметно кивнула. – А я еду в супермаркет. Придется опять привыкать ко вкусу полуфабрикатов.

Воскресенье выдалось в Аугсбурге солнечным. Максимилиан фон Фугер, наследник древнего европейского рода и единоличный владелец таинственной корпорации, снимавшей под свои офисы несколько этажей здания гостиницы Доринт, не спал уже вторые сутки. Многие годы он потратил на то, чтобы исправить одну единственную ошибку, совершенную его великим предком. Ошибку, которая, как он считал, стоила его семье слишком дорого.

Он спустился на первый этаж на скоростном лифте, выпил чашку кофе в лобби-баре, по воскресному пустом, и вышел на улицу.

Несмотря на еще непозднее утро, Аугсбургский воздух был горяч и сух. Магистр пожалел, что не взял в баре бутылку ледяного Сан-Пилигрино. Вторые сутки он не спал, мучительно вглядываясь в экраны многочисленных мониторов в своем полутемном офисе. Поняв, что только небольшая прогулка поможет ему хоть немного прийти в себя, он, оставив Минга на хозяйстве, шел прогулочным шагом по древнему городу, пытаясь прогнать одну единственную мысль, которая мучила его все это время: «Когда же, когда?»

Перейдя через мост над железной дорогой, по которой как раз в этот момент неслышно прошуршала Мюнхенская электричка, Фугер свернул на улочку, ведущую в центр и медленно шел вдоль стены старинного кладбища. Здесь были похоронены несколько десятков его предков, и порою он заходил сюда, чтобы «пообщаться» с ними. Стоя в тишине под тенью вековых

платанов, он смотрел на фамильные склепы, и умиротворение побеждало его суетные мысли. Предки словно извинялись перед ним за то, что в свое время не смогли сделать того, что было суждено исполнить ему. Он черпал свои силы в этом «общении», и предки помогали ему. Правда, сегодня он не пойдет к ним. Ему пока нечего сказать безмолвным могилам, то известие, которое они ждут, еще не поступило. В том, что оно поступит, он не сомневался, слишком много сил, слишком много средств ушло на подготовку. А сейчас остается только одно. Ждать.

Пройдя по Кёниг Платц, он свернул на Фугер Штрассе, улицу, названную в честь его великого предка, Якоба Фугера. Самого богатого человека средневековой Европы, человека, который создал могущество рода, но потом одним неосторожным словом, одной необдуманной клятвой все разрушил. Тогда, при Якобе, империя Фугеров простиралась по всему миру. Банкирский дом имел отделения по всей Европе. Серебряные и медные рудники, принадлежавшие семье, были разбросаны по всему миру.

Купив воскресный выпуск Bild, он присел за столик уличного кафе и заказал у вертлявого итальянца бокал минералки с лимоном. Просматривая по диагонали новости, Максимилиан не смог найти ничего интересного. А ведь когда-то именно его семья создала то, что теперь приняло вид современных газет.

Начиная с 1568 года и на протяжении нескольких десятилетий из Аугсбурга в зарубежные отделения фирмы регулярно направлялись Ordinare Zeitungen. То, что потом назовут газетой, содержало сообщения об уровне цен, урожаях, различные объявления. Эти писанные от руки ведомости отличались богатством содержания и большой добросовестностью в передаче информации. Оно и понятно, Фугеры поддерживали отношения со всеми культурными государствами и вступали в денежные сделки с владельческими князьями и торговыми корпорациями всех стран. Поэтому существовала необходимость в полной осведомленности во всех мировых событиях. Все полученные сведения подвергали систематической обработке в писцовых комнатах торгового дома, переписывали на отдельные листки и рассылали подписчикам, вносящим определенную годовую плату. Многие из нашумевших происшествий, таких, например, как покушение Жана Шателя на жизнь французского короля Генриха IV и связанные с ним интересные разоблачения деятельности иезуитского ордена, стали известны в Германии благодаря газете Фугеров.

Бросив газету в сетчатую корзину, магистр вышел на Максимилиан Штрассе, центральную улицу города, названную в честь римского императора. Они с этой улицей были тезки. Каждый раз, когда он бывал здесь, его обуревало странное чувство, чувство гордости и сожаления. С одной стороны, именно здесь, в доме номер 36, находилась ранее городская резиденция Якоба Фугера. Построенный в стиле итальянского ренессанса, дом с внутренним садом и двориком, называемым «Дамским», принял сейчас в свои стены картинную галерею, главным экспонатом которой является портрет Якоба, написанный великим немецким художником Дюрером. Часами стоя перед портретом великого предка, магистр всматривался в знакомые с детства черты. Дом и сейчас принадлежал его семье, хотя, конечно, там сейчас никто из Фугеров уже не жил. Бальная зала в этом доме используется для разнообразных приемов, устраиваемых для знаменитостей, нередко навещающих Аугсбург. Но ее может арендовать и любой гражданин города для своих семейных торжеств. С другой стороны, именно это и раздражало его. Ведь, сложись все иначе тогда, в пятнадцатом веке, не дай тогда его предок роковой клятвы римскому Папе, возможно, вся европейская история сложилась бы иначе. Не пришлось бы восстанавливать жителям Аугсбурга разрушенную американскими бомбежками Ратушу – величественный аугсбургский Ратхаус, не стоял бы сейчас его потомок, терзаемый мучительным ожиданием, на улице своего имени.

Пытаясь укрыться от всепроникающей жары, Максимилиан спустился по ступенькам, ведущим вниз от входа книжного магазина. Здесь, в подвале, располагался его любимый Кёниг

вон Фландерн, ресторан-пивоварня. Он любил бывать здесь днем, когда толпы вездесущих туристов еще не оккупировали все пивные в округе. Когда-то, лет триста назад, его семья одолжила денег на открытие этого ресторана, и до сих пор, сидя в подвальной тишине и прохладе этого места, глядя на огромные медные танки, в которых хмель вода и солод превращались в волшебный напиток, он ощущал свою причастность к этому чуду, ведь даже медь, из которой были сделаны эти баки, была добыта на рудниках, принадлежащих его предкам.

Телефонный звонок застал его, когда он намазывал свой любимый шмалец – мягкое сало с кусочками обжаренных шкварок, на хрустящий ломоть свежее испеченного черного баварского хлеба.

– Магистр! – Это был Минг. – Магистр, мы нашли святыню. Она в России.

– В России? Ты уверен?

– Да, Магистр. Группа кладоискателей вчера откопала её где-то в двухстах километрах от Москвы.

– Ну что же, Минг, звони в агентство, заказывай билеты. Мы едем в Россию.

Фугер подозвал официанта.

– Принеси мне бутылку шампанского, приятель.

– Шампанского? – Официант был удивлен странной просьбой постоянного посетителя. Обычно тот пил светлое нефилтрованное, иногда темное, дункель. Но чтобы шампанское...

– Да, да. Шампанского. Сегодня есть повод отметить одно важное событие.

Макс Маршаллин закончил уборку. Честно говоря, уборкой это назвать было трудно. Все вещи, разбросанные по квартире, он просто распахал по шкафам. Несмотря на то, что с уходом Вики вещей явно поубавилось, иногда приходилось применять силу, чтобы дверцы шкафа закрылись. Этот процесс так вымотал его, что Макс задумался. Так долго продолжаться не может. Если ему еще и убираться придется, времени на себя любимого решительно не останется. Твердо решив начать понедельник с поисков помощницы по хозяйству, он покормил возмущенно мяукающую кошку, разогрел себе в микроволновке пиццу и, открыв бутылку Пауланера, уселся перед компьютером. Сытая и довольная, Елизавета Петровна расположилась на своем любимом месте – полке для принтера, как раз над ноутбуком Макса. Свесив бежевый пушистый хвост, она шурилась от света настольной лампы и лениво смотрела на то, как Макс двигает рукой с мышкой.

Бегло прочитав почту и убедившись, что, как он и думал, каких-то особо важных событий за время его отсутствия в офисе не случилось, Макс открыл кладоискательский форум.

Сергея уже там побывал. Судя по орфографическим ошибкам, он успел отметить свое прибытие домой изрядной порцией спиртного, и сейчас он бахвалился перед коллегами. Что больше всего не понравилось Максиму, так это то, что Сергей выложил фотографию их главной вчерашней находки. Этого делать явно не стоило. Кладоискатели со всех городов присылали свои поздравления, но Максиму от этого было еще больше не по себе. Слишком уж ценная была находка, чтобы вот так запросто выставлять ее в открытом доступе в интернете. Понятно, что людей случайных на форуме быть не должно, большинство участников Макс знал лично, но, несмотря на это, интернет – это интернет.

Заготовив гневную речь насчет конспирации и отсутствии анонимности во всемирной сети, Макс набрал Сергею на домашний, но тот не отвечал. Мобильный тоже был недоступен.

– Егорыч, Сергей не у тебя? – Макс позвонил Егору.

– Да не, брала, я его у подъезда высадила, а что такое?

– Да представляешь, вывесил, зараза, фотку сосуда, народ обалдел совсем, ломится толпами посмотреть, что же такое мы нашли, а я, честно говоря, немного переживаю. Не стоило пока ее показывать, уж больно вещь ценная.

– Ну так, Андрею набери, он снимет фоту.

– А вот это верно, спасибо, дружище.

Макс набрал мобильный Андрея, разработчика и создателя «Кладоведа» – кладоискательского форума.

– Андрюха, здорово. Ты дома?

– Ну да, только с поляны приехал, а что такое?

– Слушай... – Макс замялся. – Мы сегодня с Тверской области вернулись. Штуку одну нашли, уж больно любопытную. Золота там килограмма на полтора. Да и возраст, на вид, солидный. Так этот придурок, Серега, её на форум залил – там сейчас уже полстраны тусуются, обсуждают. Так вот, у меня к тебе просьба будет, ты эту фотку снеси пока. Мы, как разберемся, что это такое, что стоит и что мы с ней делать будем, мы обязательно вывесим, а пока не стоит народ зря волновать, вдруг это и не золото вовсе.

Было слышно, как Андрей стучит по клавиатуре своего компьютера:

– Ух, ничего себе. – Стало понятно, что он открыл фотографию. – Поздравляю. Реально, находка сезона.

– Ладно тебе. Сезон еще не кончился. Не загадывай. Ну, так ты снесешь?

– Как скажешь, Макс, хотя я бы оставил. Больно красиво.

– Нет уж, дружище. Ты ее снеси, а потом, как разберемся, мы ее снова повесим, ОК?

– Ну, лады.

Через минуту Макс с удовлетворением прочитал на форуме: «Уважаемые коллеги, по просьбе авторов поста, фотография и описание будет временно удалено с форума. Авторы обещали, что через какое-то время они обязательно ознакомят кладоискательскую общественность со всеми находками с этого выезда. Администрация».

Ну и славно. Дело сделано. Макс довольно потянулся. Настало время заняться самым приятным на сегодня. Он распаковал брезентовый баул, отнес в ванную металлоискатель – его надо было тщательно отмыть от тверской засохшей грязи. Следом появился не менее грязный камуфляж. Это – в стиральную машинку. Наконец Макс достал увесистый пакет с находками. Разложив на полу большую простыню, Макс приготовил теплую воду, мыльный раствор и сухое полотенце. Достав каталоги по допетровской нумизматике и славянской металлопластике, Маршалин расположился на полу. Елизавета Петровна с высоты своего ложа с интересом наблюдала, как из целлофанового пакета на чистую простыню высыпалась куча грязных и ржавых железяк. Она знала, что сейчас каждая из них будет тщательно вымыта, очищена от грязи, протерта сухой тряпочкой и разложена в одном ему, хозяину, понятном порядке. А потом он, рассматривая каждую находку в огромную лупу, будет долго листать эти красивые глянцевого цвета тома, что-то записывая в свой блокнот. Этот процесс она наблюдала уже много раз, только сегодня было и исключение из общего порядка. Хозяин достал завернутый в грязную футболку предмет, протер его влажной салфеткой, потом – сухим полотенцем. Долго смотрел на него и, наконец, поставил его рядом с ней на полку. Оскорбленная таким неуважением, кошка нервно спрыгнула на пол и презрительно удалилась. Разве можно на её место ставить пусть и блестящую, но все-таки железяку?

Время от времени поглядывая на выставленную на видном месте находку, Макс принялся за любимое занятие – что может быть приятней, чем провести время за разбором редких и уникальных находок, погружившись полностью в их историю!

Что может быть приятней, чем провести вечер, погрузившись в прохладный бассейн после оздоровительного сеанса массажа и сауны? Особенно, если компанию на этот вечер тебе составляет такая молодая и привлекательная особа? Пожилой мужчина лет шестидесяти, обладатель достаточно подтянутого для его лет тела и благородной седины, подплыл к бортику бассейна и пригубив бокал Дом Периньон, с удовольствием разглядывал раскрасневшуюся от сауны, но не ставшую от этого менее прекрасной, фурию, которая ловко, рыбкой, прыгнула в прохладу голубоватой воды и, проплыв метров пять под водой, вынырнула прямо около него, обдав его брызгами и ослепив белозубой улыбкой.

Появившийся в этот момент помощник несколько испортил идиллическую картину «босс на отдыхе». Оценив одним мимолетным взглядом юную красавицу, он протянул мужчине трубку телефона. «Вас. Срочно»

– Да. – Мужчина был расслаблен и благобно настроен в предвкушении ласк:

– Александр Иванович, это я. Дело на миллион, не меньше.

– Ну. – Мужчина поморщился. В такой вечер не хотелось думать о деньгах.

– Проверьте почту, срочно. Там ребятки такое накопили! Вам это будет очень интересно, отвечаю.

– Ну, смотри. Если ты меня из-за какого-то пустяка от дел отрываешь.

– Да говорю я вам, дело точно на миллион. Причем не рублей.

– Ну ладно, посмотрю.

Александр Иванович, теневой король антикварного бизнеса столицы, отдал трубку телефона помощнику. С сожалением посмотрев на точеную фигурку красавицы, которая направлялась в сторону сауны, ничуть не стесняясь своей наготы, он выбрался из бассейна, накинув халат, и опустился в шезлонг, возле которого стоял небольшой столик с ведерком под шампанское и небольшим черным ноутбуком с крышечкой, покрытой дорогим рояльным лаком.

Открыв ноут, он ловко пробежался по клавишам и потом долго, минуты две, молча вглядывался в картинку на экране. Достав из кармана халата мобильный телефон, Александр Иванович набрал номер и коротко бросил: «Завтра в девять ко мне».

Затем закрыл ноутбук и направился в сторону сауны. Предвкушение добычи у него всегда вызывало огромное желание.

Охранник лениво перебирал кнопкой пульта изображения на главном мониторе. Периметр, гараж, двор, бассейн, шеф с девицей – все как обычно. Он переключил монитор на антенну ТВ.

Встревоженный вид диктора время от времени перебивался картинками уличных боев. Судя по титрам, бежавшим внизу экрана, это был Иран.

Опять война на Востоке собирается. Хорошо что он нашел эту непыльную и, скажем честно, уж слишком спокойную работу. Хватит, отвоевал свое давно, пусть другие повоюют.

Он переключил ТВ на камеру в бассейне. Это будет поинтересней новостей, сегодня шеф явно в ударе. Охранник открыл банку спрайта и уселся поудобней в кресле. У кого война, а у кого порнушка нахаляву. Высококачественная.

Глава 3. Флагелланты

*«Мы веселые сектанты,
Мы ребята – флагелланты»*

Пер. С латинского. Реконструкция средневековой частушки.

«Стремительное распространения болезни, бессилие врачей и массовая смертность заболевших побудили людей обратиться к Богу. Но чудовищность чумы породила крайности религиозного мировосприятия. На современников наибольшее впечатление произвел необычайный расцвет секты флагеллантов, или самобичевателей».

Макс внимательно рассмотрел рисунок на экране своего ноутбука. Коряво нарисованные смешные человечки лупили друг друга различными предметами – палками, вилами, плетью.

Совещание в это утро первого дня недели было на редкость нудным. Отделы докладывали о героических достижениях на ниве развития современной компьютерной индустрии. В данный момент невысокий пузатый очкарик воодушевленно рассказывал, как он отважно продал крупную партию компьютерной техники в один известный банк. Эта сделка готовилась несколько месяцев, и вот, похоже, она победно завершилась. Начальник АйТи департамента этого банка скоро купит своей любовнице новый Порше с гигантского отката, а этот очкарик, который сейчас вещает, получит в конце полугодия крупный бонус, на который, конечно, Порше не купишь, но какой-нибудь Ниссан – легко.

«Процессии флагеллантов были введены святым Антонием Падуанским. Напомнил о них в 1260 г. эрмит Райнер в Италии, где в скором времени секта флагеллантов насчитывала в своих рядах около десяти тысяч человек. Отсюда она распространилась за Альпы, обнаружилась в Эльзасе, Баварии и в Польше, причем движению ее не могли воспрепятствовать никакие вмешательства и запреты со стороны правительственных властей».

– Ну а сейчас консьюмерная часть, – поспешил закончить шеф слишком долгую речь укротителя банков. – Господин Маршалин, какие успехи на ниве потребительских продуктов? Макс с сожалением оторвался от интересной статьи.

– Флагелланты.

– Что, простите?

– Флагелланты. Была такая секта в средневековой Европе. Самобичеватели. Ходили по улицам и бичевали сами себя и друг друга, надеясь, что Бог примет их покаяние и избавит их от чумы. Но все равно почти все умерли.

– Максим Анатольевич, – шеф был нехило удивлен, – это вы к чему?

– Да к тому, что все мы – крупные вендоры-производители, ведем себя как флагелланты. Вместо того, чтобы собраться вместе и изобрести вакцину, которая победит чуму, мы лупим сами себя, снижая цену и убивая и без того небольшую маржу. Вот вы, например, в курсе, что все эпидемии чумы в Европе приходили через Азию из Китая? Вам это ничего не напоминает? Конечно, в области корпоративных продаж это может быть не так заметно, но в ритейле азиатские производители свирепствуют не хуже бубонной лихорадки 14 века. Все свободные площади в рознице завалены паллетами с китайской техникой. Компьютер – от семи тысяч рублей. Ноутбук – от пятнадцати. Стоит ли нам ввязываться в эти ценовые войны, тем более, что эффект от этого такой же, как от хождения голым по улице и лупцевания себя плеткой. Тем более, что если мы продолжим снижать цены, мы скоро действительно всем офисом будем

ходить по улицам без одежды – показатели прибыли в низшем ценовом сегменте перешли в отрицательную полуплоскость. Я считаю, что нам нужно дифференцироваться от китайцев. Да, мы не сможем побить их в «лоу енде». Не беда. Будем действовать в тех сегментах, где мы сильны. Например, в сфере дорогих мультимедийных машин. Там одна-две тысячи рублей в цене не играют особой роли, в то время, как для покупателей этого продукта гораздо большее значение играют производительность и брэнд, чем цена. Поэтому мое предложение следующее: в предстоящий сезон «Бэк ту скул» мы должны сфокусироваться на среднем и высоком ценовом сегменте. Щитовая реклама, радио, промоушн в магазинах – все это должно касаться только высокопроизводительных машин. Модели я пришлю. – Макс посмотрел на девочку из отдела маркетинга, которая конспектировала его речь.

– Ну и отлично. – Шеф немного обалдел от начала выступления Макса и был рад, что оно закончилось нормальными, понятными ему вещами. – Поздравляю всех с началом очередной рабочей недели, приступайте к работе.

Сотрудники начали расходиться по своим рабочим местам. Девчушка из маркетинга догнала Макса в коридоре.

– Максим Анатольевич, а вы серьезно насчет этих... фалло... тьфу, ну этих... флаго...

– Флагелланты, Светик. Конечно, серьезно, какие уж тут шутки. Представь себе: улицы древнего Рима, ночь, темень... Ты, кстати, была в Риме?

– Нет еще. – Макс показалось, что девочка немного покраснела.

– Ну так, вот. Ночь, темно. И в свете факелов идет процессия. Мужчины и женщины, бедные и богатые. И все голые. И все бьют друг друга плетками и плачут.

– Фу, какая гадость!

– Во-во, Светик. Именно. Потому что ночью в Риме надо не ходить по улице голозадой толпой, стегая друг друга плетками, а что делать?

– Что?

– Надо сидеть в ночной тиши над спящим городом на балконе самой шикарной гостинице в Риме и, любуясь вековыми руинами Коллизея, смаковать тосканское вино, закусывая его копченым овечьим сыром. Можно голыми, да Светик?

– Дурак вы, Максим Анатольевич. – Светлана зарделась и бросилась в свой отдел.

«Ну вот, теперь будет всем рассказывать, что сам Маршалин к ней с харасментами приставал, – подумал Макс. – Ну ничего, мне полагается. Я теперь мужчина свободный. Кстати, этот Светик очень даже ничего...»

Он представил огромный балкон шикарного пентхауза в римском Ритце, кованный столик со стеклянной столешницей, на котором живописно расположилась бутылка тосканского, бордовый цвет которого еле обозначает свет свечи, бьющийся в старинном фонаре. Невдалеке, подсвеченный мощными прожекторами, громадиной лежит Коллизей, а здесь, совсем рядом, в соседнем кресле, по домашнему уютно поджав ноги, сидела Светлана в легкомысленном шелковом халатике, подол которого недвусмысленно...

Тьфу, ты. Знаешь же, что на работе – ни в коем случае нельзя. Жесточайшее табу на любовные интриги. Он прогнал дурацкие мысли и отправился на свое рабочее место. Здесь, под его рабочим столом, уставленным техникой и заваленным кипами бумаг, в черном рюкзаке с логотипом компании лежала его самая ценная находка. Побоявшись оставлять ее дома, несмотря на то, что квартира стояла на сигнализации, он взял ее с собой. Опять же, у него были планы обсудить с Кириллычем, к кому именно обратиться за помощью в атрибуции. Уж очень ему хотелось расшифровать надписи на бутылки. Возможно, они бы пролили свет на ее про-

исхождение. Был, конечно, огромный соблазн вскрыть ее и посмотреть, что внутри, но некое шестое чувство подсказывало Максиму, что с этим торопиться не стоит.

– Андрей Кириллович, здравствуйте, это Макс Маршалин. – Макс сумел дозвониться до Кириллыча только к обеду.

– А, Максимка, здравствуй, здравствуй. – Кириллыч сегодня был в хорошем расположении духа. – Поздравляю тебя с чудной находкой.

– А вы уже в курсе?

– Ну как же. Уже целые сутки вся поисковая общественность только об этом и говорит. Я вот, тоже, признаюсь, полночи вчера разглядывал фотографию – пытался понять, что же там такое написано. Жаль, фото так себе, да и в древнееврейском я не спец.

– А это древнееврейский?

«Отлично, – подумал про себя Макс, – с языком надписи стало понятно».

– Определенно, Максимка. Это я смог определить, да вот больше мне тебе сказать нечего, я больше по древним славянам.

– Андрей Кириллович, я, собственно, на эту тему и звоню. Неужели нет у вас специалиста знакомого, который, так сказать, смог бы взяться...

– Ну как же нет. Есть, конечно. Я даже хотел послать ему вчера фотокарточку, да что-то адрес его не нашел электронный. Но телефончик есть. Записывай. Скажи, от меня. Если и есть в Москве специалист, который может помочь, то это определенно он.

– Спасибо, Андрей Кириллович, век вам признателен буду. И вообще, с меня причитается.

– Ладно, ладно. Сочтемся. Ты вот, знаешь что, если чего интересного про свою находку выяснишь, ты уж будь любезен, меня в известность поставь, ладненько? Уж больно любопытство стариковское заело – что же это Максимка нарыл такое загадочное.

– Обязательно, Андрей Кириллович, обязательно.

Макс задумчиво вертел розовую бумажку-напоминалку с телефоном специалиста. «Лев Аронович». Да уж, если ему кто-то и сможет помочь с распознаванием древнееврейского текста, то только «Лев Аронович». Он набрал номер и договорился о встрече.

Хотя встреча была назначена на девять, Александр Иванович приехал в офис намного раньше. Спал он плохо, никак не давала покоя мысль о находке молодых искателей. Несколько раз он вставал и подолгу сидел, разглядывая на экране ноутбука нечеткое изображение. Прав был его информатор, вещь безусловно ценная. Вот только, хотелось бы понять, насколько. Надписи явно на древнееврейском, вот только разглядеть их толком не получалось, ракурс, с которого было сделано фото, этому не способствовал. Да, впрочем, и неважно. Вещь сделана из золота и возраст у нее – несколько тысяч лет. Этого вполне достаточно, чтобы начинать считать ее стоимость как минимум с пятизначных чисел.

Без пяти минут девять интерком на его рабочем столе тихо пискнул голосом секретарши:

– К вам Алексей Николаевич и Борис Петрович.

– Пусть проходят.

Давным-давно, в конце восьмидесятых, когда он открыл свой первый антикварный салон на Большой Никитской, эти двое пришли к нему, предлагая свои скромные кровельные услуги, то есть, попросту, «крышу». Состояли они тогда в знаменитой «Таганской» группировке и ничем не выделялись среди своих коллег – спортивные накачанные парни в тренировочных костюмах с интеллектом хомячков. Коллеги называли их Лёлек и Болек – уж очень эта пара была похожа на известных мультперсонажей – высокий Лёха и крепыш Боря. Александр Иванович вовремя понял, что антикварный бизнес – это вещь достаточно опасная, и без серьезной

силовой поддержки на этом рынке не выжить. Единственный выход, который он видел на тот момент – это создавать свою собственную службу безопасности. Два молодых «таганца» для этого подходили идеально.

Сначала он давал им небольшие и не особо криминальные поручения, при этом щедро оплачивая их услуги. Ребятки быстро привыкли к легким деньгам от Иваныча, как они его называли и, спустя какое-то время, легко согласились перейти к нему на работу, тем более, что у «танганских» тогда были не лучшие времена, их отстреливали по-одиночке и группами, в ресторанах, подъездах и скверах. А тех, кого не дострелили, принимали в свои заботливые руки органы правопорядка. Таким образом, спокойная и непыльная работа у Иваныча была для них самым лучшим и счастливым вариантом.

– Здорово, Иваныч. – Первым зашел Лёлек.

– Бонджёрно, шеф. – Зацепив плечами дверной косяк, в кабинете появился Болек.

– Здравствуйте, ребятаки, проходите, присаживайтесь.

– Ирочка, принесите нам, пожалуйста, кофе с молоком и зеленый чай с лимоном. – За полтора десятка лет Иваныч успел изучить вкусы своих помощников.

– Вот такое дело, ребятаки. Откопали, понимаете ли, одни, скажем так, копатели, вы уж простите меня за тавтологию, некую ценную вещь. И есть у меня к этой вещи огромный интерес.

Лёлек что-то записывал в своем блокноте. Вообще, его вид внушал серьезное уважение стороннему наблюдателю, не знающему его близко – дорогой итальянский костюм, очки в тонкой золотой оправе, блокнотик в кожаной обложке, ручка «Монблан» – Лёлек выглядел очень респектабельно.

Александр Иванович повернул экран ноутбука так, чтобы его было видно гостям.

– Вот, собственно, находка. А вот и счастливые её обладатели. – На экране появилось фото Маршалина, сделанное на одном из кладоискательских слетов. Далее пришла очередь появиться Сереге и Егору.

– Какие будут предложения, товарищи?

Лёлек повернул свой блокнот так, чтобы Иваныч мог видеть, что там нарисовано. Тщательно прорисованные детали, красиво набросанные тени. Перед зрителями предстал нарисованный во весь лист блокнота паяльник.

– Лёлек, мы же интеллигентные люди. – Иваныч поморщился. – Насколько я понимаю, нынешние обладатели этой находки не совсем, скажем так, представляют её истинную ценность. Поэтому мы сначала попытаемся что?

– Украсть?

– Нет, Борис. Сначала мы попытаемся ее банально купить. Ну а уж если не получится, мы перейдем к плану номер два, – Иваныч кивнул на Болека. – Ну, а если и это не выйдет, хотя, надеюсь, до этого не дойдет... – Иваныч показал на красивый блокнот в кожаной обложке. – Тогда к плану номер три. Задание ясно?

– Так точно, шеф.

– Ну, тогда приступаем. Первый контакт с клиентом я беру на себя. Дальше – по ситуации. Поехали!

«Добрый день, дорогие пассажиры. Мы рады приветствовать вас на рейсе Аэрофлота номер семьсот сорок один по маршруту Мюнхен – Москва».

Максимилиан фон Фугер откинулся в кожаное кресло подержанного Боинга и закрыл глаза. Этот идиот Минг опять все испортил. Зачем-то купил билет на рейс Аэрофлота. Да еще и в экономическом классе. Идиот. Фугер отчитывал его уже раз пятнадцать. Сначала, когда

они с таксистом, пожилым турком, еле разговаривающим на немецком, искали терминал Аэрофлота. Потом, когда стояли в огромной очереди, которую устроили русские перед регистрацией. Фугер даже поморщился. У компании Люфтганза каждый день вылетают из Мюнхена сотни рейсов. Все билеты регистрируются в одном месте. Через эти стойки проходит в день несколько тысяч человек. Да, там есть очередь. Но она по-немецки четко устроена. Выставлены змейкой специальные ограждения. Никто никуда не лезет, даже если очень спешит. А Аэрофлот – это просто ужас. Всего один рейс, а такой бардак. Полторы сотни русских окружают стойку регистрации, лезут без очереди, ругаются друг с другом. Зачем-то тащат в салон все свои пакеты с логотипами самых дешевых мюнхенских дискаунтеров. Устраивают бардак и очереди в дьюти-фри. Бред какой-то. И вот сейчас Минг сидел между магистром и полным русским дядей, от которого разило алкоголем и табаком. Дядька был такой толстый, что маленький Минг не мог даже пошевелиться в своем кресле, чтобы соблюсти положенное по субординации расстояние между ним и магистром. Пусть помучается, в следующий раз будет думать.

Фугер посмотрел в окно. Мимо проплывало здание терминала с огромными желтыми буквами «М». Скоро взлет. Летать Фугер не любил. Не то чтобы боялся, просто не любил. Эта аэропортовая суэта, три часа гула и полное несоблюдение его «зоны приватности» – постоянно кто-то толкает, трется рядом, дышит в лицо перегаром. Вот что помешало Мингу взять бизнес-класс, а?

Сегодня ночью он опять не спал. Огромное напряжение и тянущее ожидание, которые мучили его последние несколько суток, сменились нервным волнением. Да, он сделал все, чтобы найти святыню. Добрый десяток лет он собирал лучших программистов, которые строили ему самую мощную поисковую систему в мире. Поисковую систему, которая была предназначена только для того, чтобы найти одну единственную вещь – ту самую таинственную святыню. Исходных данных у него было немного – подробное описание святыни и рисунок, набросанный папским придворным художником. По этим исходным вводным его поисковой системе предстояло найти эту вещь, в какой бы точке мира она не появилась. Тысячи самых современных компьютеров ежесекундно сканировали всемирную паутину, и, как только система видела хотя бы намек, хотя бы подозрение на находку, в работу включались мощные алгоритмы анализа и распознавания. Скрупулезный анализ информации выдавал результат – некий показатель вероятности того, что речь в этой информации идет именно о том, что эта система была призвана найти. Если этот показатель становился больше порогового, в работу системы подключался оператор. Ни один компьютерный интеллект не способен заменить человека, сколько бы миллионов евро не вложил Фугер в его разработку, без операторов было не обойтись. Система сканировала практически всю информацию, которую размещали люди в компьютерной сети – миллиарды веб-страниц, десятки тысяч лент новостей, сотни тысяч форумов, бесчисленные чаты и фотохранилища. Несколько сотен языков и наречий. Даже сложно представить, какой объем информации был обработан его поисковой системой. И самое главное – это дало результат. Где-то в далекой России, на форуме кладоискателей, появилась фотография святыни.

– Пить что будете? – спросила на английском мужеподобная стюардесса с жутким акцентом.

– Вода с лимон, – ответил Фугер по-русски. Он немного знал русский, изучал в университете. Вообще, он худо-бедно изъяснялся на пяти современных языках, плюс знал три «мертвых» – латынь, древнекитайский и древнееврейский.

Стюардесса протянула ему пластиковый стаканчик. Фугер посмотрел на нее и содрогнулся. Ну почему у Люфтганзы такие улыбочивые и симпатичные стюардессы, а у Аэрофлота

одни пожилые угрюмые тетки? Неужели всю свою молодость и привлекательность они проводят в борьбе за право летать на международных рейсах, и добиваются этого права только к закату своей карьеры, когда сил на улыбку уже не остается?

Он вспомнил, как перед вылетом он перечитывал завещание своего предка, Якоба Фугера. Этот документ, подписанный 29 декабря 1525 года, за день до смерти основателя империи, он помнил практически наизусть. Особенно ту часть, которая касалась невыполненной клятвы его далекого предка.

В 1519 году скончался великий император Максимилиан. На трон императора Священной Римской Империи претендовал его девятнадцатилетний внук, испанский король Карл I, и французский король Франциск. Как и полагается в те времена, да впрочем, так происходит и сейчас, победа в выборах напрямую зависела от инвестиций со стороны кандидатов. Француз предложил триста тысяч, испанец Карл собрал восемьсот пятьдесят. Причем, большую часть этих денег ему одолжил Якоб Фугер. Бабло, как говорится, побеждает зло. Карл был избран князьями-курфюрстами и стал императором Карлом V. 23 октября 1520 года он был коронован. Понятно, что такие серьезные инвестиции были сделаны не зря. Уже вскоре Фугеры получили эксклюзивные права на золотые и серебряные разработки в Испании и стали главными испанскими банкирами.

Не только императоры кредитовались у Фугера – не гнушались этим и церковные руководители, в том числе, и Папа Римский, Лев X. Собственно, общение Фугера с Папой и привело к столь печальным последствиям. К тому времени у Фугера уже функционировала полноценная частная разведывательная служба. Многочисленные представительства его фирмы образовывали плотную сеть, накрывавшую всю Европу. Со всех стран тянулась в центр всевозможная информация о войнах, политике и коммерческих делах. Зная возможности Фугера, Папа попросил его отыскать одну вещь, утерянную одним из его предшественников. Почти двести лет назад Климент VI, послал небольшую экспедицию из Авилон в далекую и дикую Московию. Задача у посланцев была сугубо секретная и достаточно опасная – им нужно было доставить в Москву, определенным людям, некую святыню – таинственный золотой сосуд с неизвестным никому содержимым. О том, что это был за сосуд, и что у него было внутри, Папа распространяться не стал. Он предоставил Фугеру лишь рисунок – набросок ватиканского художника и подробное описание утерянной вещи. И тогда Фугер совершил ошибку, которая стоила покоя и благосостояния его семье в дальнейшем. Он поклялся Папе на Святой Библии, что он найдет пропажу. Поклялся честью своей семьи и всем её благосостоянием. Наверное, у него были основания это делать – более могущественного человека в то время в мире не было. Корпорация Фугера продавала медь на землях Польской короны, в Пруссии, Великом княжестве Литовском и в Московском государстве. Наверное, Фугер планировал получить некоторую поддержку и помощь от московских властей. Хотя, конечно, это было несколько самоуверенно.

Никто не знал, где именно пропали папские посланцы. Они вышли из Авилон, и в Москву не явились. Понятно, что на поиски их уже снаряжались экспедиции, но вернулись они ни с чем – следы путников терялись уже в северной Чехии, где они останавливались на ночевку. Каких-то следов их дальнейшего перемещения обнаружить не удалось. Пообещать найти их на бескрайних просторах севера Европы, в местах диких и неизведанных, было со стороны Фугера достаточно нескромно. Самые лучшие, самые преданные семье сотрудники, собирались в дорогу.

Поодиночке и группами, они должны были пройти по маршруту, проложенному путниками двести лет назад и найти или какие-либо следы их, либо какие-то упоминания о пропавшей посылке.

Каждому из них была обещана огромная награда в случае достижения хоть какого-то результата, а в случае их нечаянной гибели семьям было гарантировано пожизненное содержание. Два долгих года тянулось ожидание. Потом начали возвращаться поисковики. Все они приходили практически ни с чем. Следов экспедиции практически не было. Последний вернувшийся, спустя целых девять лет, рассказал, что нашел постоялый двор на севере Польши, в котором он слышал легенду о странных путниках. Один из них был аббат, а другой – огромный свирепый литовец, который изничтожил на корню позарившуюся на небедно одетых европейцев шайку одноглазого Януша, терроризировавшую всю округу на протяжении долгих лет. Это предание поисковик тщательно записал, но дальнейшие пути путников терялись. Он решил вернуться в Аугсбург, но его напарник, молодой и фанатично преданный семье Фугеров Карл Блюмайер, решил продолжить поиски. Он пошел дальше, в московские земли, поклявшись, что пока он не выполнит поручение, домой не вернется. Возвращаться ему, и правда, не было смысла – пожилая мать его за долгие годы странствий померла, а больше никого близких у него и не было. Никаких известий о нем более не поступало, его сочли погибшим, и в завещании Якоб отдельно указал, что если найдутся потомки или наследники несчастного Карла, им причиталась бы очень неплохая сумма, которая могла бы сделать безбедными многие поколения его правнуков.

Там же, в завещании было четко прописано указание всем потомкам Фугера до скончания его рода не жалеть средств и времени на поиски святыни, а если следы её объявятся или найдется её текущий обладатель – не скупиться и сделать все возможное, купить, украсть, убить, но вернуть святыню Папе, ибо неисполненная клятва будет тяжким грузом лежать на всем потомстве Фугеров. И не будет им счастья и благополучия, пока клятва эта не будет исполнена.

Так, в общем-то, и случилось. С каждым поколением Фугеры теряли свое могущество и власть. Несмотря на то, что им удалось оставаться на плаву посредством земельных спекуляций и нескольких выгодных браков, в целом, ситуация была достаточно удручающая. Молодой Максимилиан, когда впервые узнал о гнетущем его семью обязательстве, решил во чтобы то ни стало исправить ошибку предка. Впрочем, собрав информацию об объекте поиска, у него появились и другие мотивы, помимо обязательства перед поколениями. Практически все остатки бывшего наследия семьи он потратил на то, чтобы найти таинственную святыню. Как оказалось, усилия его не были напрасны. Миллионы, потраченные на создание самой мощной в мире поисковой системы сделали свое дело – следы святыни были найдены, и сейчас потомок Якоба Фугера мчался к ней со скоростью девятьсот километров в час, сидя в кресле эконом-класса самолета Аэрофлота.

Макс Маршаллин закончил писать письмо, нажал кнопку «Отправить» и довольно потянулся. Ну вот, вроде, разгрёб дела, можно передохнуть. Он взял ноутбук, сигареты и отправился в кафе. В принципе, кофе можно было попить и в офисе, причем бесплатно, но почему-то в офисной кофеварке он был настолько плох, что многие сотрудники старались ходить в ресторанчик на первом этаже здания. Там, пусть и за деньги, подавали более-менее сносный капучино. Опять же, там можно было курить. Толкаться на крыльце с остальными курильщиками Макс не любил.

Заказав себе чашечку кофе, Макс открыл ноутбук и погрузился в статью про флагеллантов, которую начал читать с утра на совещании.

«Когда в 1349 г. в Германии с ужасающей силой свирепствовала чума, в Спиру из Швабии явились двести флагеллантов и ознакомили все население со своей методой самым подробным и добросовестным образом...»

Телефонный звонок прервал его чтение. Номер не определился. «Странно», – подумал Макс и снял трубку.

– Максим Анатольевич? – спросил приятный мужской баритон. Чувствовалось, что говоривший мужчина был уже в возрасте.

– Да, слушаю вас.

– Максим Анатольевич, меня зовут Александр Иванович, и у меня есть предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Спасибо, но меня это не интересует. – Макс положил трубку.

Черт. Совсем обалдели в этом «Ситибанке». Мало того, что звонят через день, разные кредиты предлагают, так теперь, вот, стариков на работу набрали. «У меня есть предложение, от которого вы не сможете отказаться». Дон Карлеоне на пенсии, блин. На валокордин не хватает, пошел в колл-центр подработать.

Телефон зазвонил снова.

– Максим Анатольевич, вы зря не дослушали мое предложение. Оно касается вашей недавней находки.

Оп-па. Это становится интересным – такого расклада Макс не ожидал.

– Слушаю вас внимательно.

– Максим Анатольевич, мы готовы купить у вас вашу находку. Мы готовы заплатить за нее очень неплохие деньги.

– Неплохие – это сколько?

– Неплохие – это пятьдесят тысяч долларов.

– Пятьдесят тысяч? Александр Иванович, это плохие деньги. Доллар падает, инфляция свирепствует. Да что я вам рассказываю, вы сами наверняка все это знаете.

– Хорошо. Пусть будет сто тысяч. Сто тысяч – это неплохие деньги?

– Сто тысяч – это уже неплохие деньги. Не сказать что совсем хорошие, но неплохие.

Мне надо подумать.

– Сколько?

– До завтра. До вечера.

– Хорошо, Максим Анатольевич. Завтра вечером я вам перезвоню.

– Всего доброго.

Начинается. Он как чувствовал, что публикация Серегой фотографии в форуме приведет к каким-нибудь неприятностям. Вот уже какие-то мутные граждане подтянулись. Не глядя дают столтник. Блин, а может согласиться? Деньги вроде действительно неплохие, почти год работать... Нет уж, отставить эти упаднические настроения. Во-первых, если сразу дают сто, то стоит это может и двести и триста тысяч. Во-вторых, хорошо бы понять, что же такое мы нашли. Со Львом Ароновичем, специалистом по древнееврейской культуре, Макс договорился на завтра. Что же, посмотрим, что скажет этот древний еврей по поводу его древнееврейской находки. Макс допил кофе, закурил сигарету и вернулся к статье.

Папа Климент VI стоял на балконе своей резиденции во французском Авилоне и в очередной раз перечитывал это странное письмо, которое ему доставили сегодня утром. Кажется, его предшественник окончательно избавил Францию от этой угрозы всему сложившемуся политическому строю – тамплиеров. И вот, опять они появились на горизонте. Папа не понимал, как относиться к написанному в письме. Верить или не верить ему. С одной стороны,

все написанное было правдой. Эпидемия чумы распространялась по Европе и, казалось, ничто не могло ее остановить. Стали появляться различные религиозные секты, взять тех же флагеллантов. Церковь уже не могла контролировать процесс духовного распада населения. Потрясенные ужасами эпидемии, они готовы были верить во что угодно, лишь бы это что-то хотя бы немного приближало их к спасению. С другой стороны, тон, которым было написано это письмо, уж больно походил на банальный шантаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.